

Литературная газета

№ 8 (105), 2018

Иван Савельев
о поэзии Ивана
Переверзина

стр. 4-5

К 70-летию
народного
писателя Якутии

стр. 6-7

Сын Алма-Аты
Олжас
Сулейменов

стр. 8-9

Поэзией сближая народы

Состоялся очередной российско-афганский литературный вечер, который организовал Центр диаспоры Афганистана, посвящённый творчеству двух гениальных поэтов Афганистана и России — Пира Мохаммада Какара и Александра Пушкина

С приветственным словом к собравшимся обратился бесменный президент ЦДА Гулам Мохаммад Джалал с пожеланиями и в дальнейшем крепить уже ставшие традиционными связи писателей и поэтов России и Афганистана. «Подобные вечера являются мостами дружбы между нашими двумя народами», — сказал он.

Специальный и чрезвычайный посланник президента Афганистана в РФ Каюм Абдул Кочай напомнил об исторических связях народов двух стран и о том, что Афганистан один из первых признал Республику Советов. В заключение он пожелал всем присутствующим творческих успехов, дальнейшего развития и расширения культурных и просветительских связей.

Заслуженный работник культуры РФ, писатель Юрий Конопляников от лица Международного сообщества писательских союзов и его председателя Ивана Переверзина поздравил собрание с замечательным событием и поделился воспоминаниями о своём пребывании в Афганистане. «Поэзией литература объединяет людей. Свидетельство тому — сегодняшний праздник. Нас собрали вместе два гения, два поэта: наш Пушкин и ваш Какара. С праздником, друзья!»

Запоминающимися были краткие, содержательные речи специалиста по жанрам творчества отдела культурно-просветительской работы Московского дома национальностей Гульнары Исаковой, журналистки, переводчицы, председателя совета Таджикского культурного центра Хуршеды Хамракуловой, поэта, журналиста, главного редактора газеты «Навиде Роз» Фарока Фарды и сатирика, журналиста, писателя Омара Нангира.

Продолжение на стр.2

Награды победителям — издание книг!

Международное сообщество писательских союзов объявляет конкурс на издание в 2018 году пяти книг лучших художественных произведений писателей России и русского зарубежья: двух книг прозы объёмом 25 печатных листов и трёх книг поэзии объёмом 15 печатных листов.

На конкурс принимаются произведения на русском языке, а также переводы писателей национальных литератур Российской Федерации. Главные критерии определения победителей конкурса — высокое художественное мастерство, современность и новизна произведений в русле традиций великой русской литературы.

Рукописи представляются в электронном виде в приёмную МСПС.

Приём рукописей осуществляется до 1 ноября 2018 года.

Тел.: +7 (495) 691-64-03

Эл. адрес: konkurs.msps@gmail.com

Конкурс им. С. Михалкова ждёт ваши книги

Международное сообщество писательских союзов сообщает, что приём книг на соискание премии имени Сергея Михалкова по номинациям: «Проза», «Поэзия», «Детская литература»

продлится до 30 декабря 2018 года

Тел.: +7 (495) 691-64-03
Эл. адрес: konkurs.msps@gmail.com

Заберу с собой я горсть землицы...

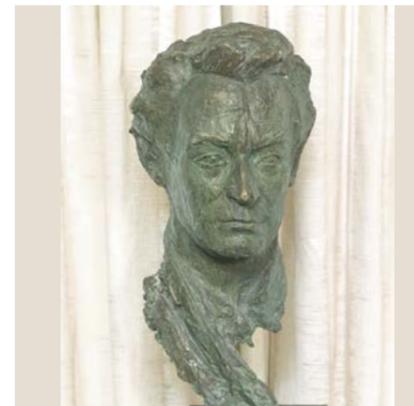
Около 100 литераторов из 18 регионов России, а также Белоруссии, Украины и Латвии собрались на открытом поэтическом фестивале «Словенское поле», который прошёл в конце июля в Псковской области

Читайте на стр.3

В память о поэте

В Твери, в родном городе Андрея Дементьева, в Доме поэзии его имени установлен бюст поэта. Это первый в стране памятник автору, который скончался 26 июня, не дожив три недели до своего 90-летия

Читайте на стр.3

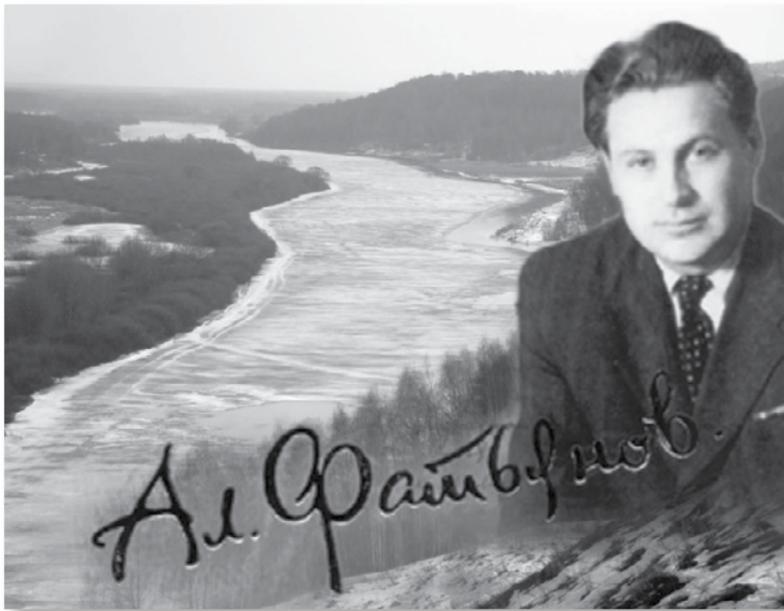

На солнечной поляночке

В Вязниках прошёл 45-й Всероссийский Фатьяновский праздник поэзии и песни

Всё, как у Фатьянова: «В городском саду играет духовой оркестр, на скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест...». Публика спешила на «Солнечную поляночку» — на Вязниковской земле вновь распахнул свою «душу-тальянку» Всероссийский Фатьяновский праздник поэзии и песни.

Ведущие праздника — заслуженная артистка РФ Алика Смехова и актёр театра и кино Вениамин Смехов — пригласили на сцену губернатора Владимирской области Светлану Орлову, главу Вязниковского района Владимира Лопухова и главу районной администрации Игоря Зинина. По традиции, на празднике вручалась премия имени Алексея Фатьянова в области литературы и искусства. В этот раз она присуждена художественному руководителю Владимирской областной филармонии Анатолию Антонову и соли-

сту филармонии Андрею Романову — за создание концертной программы «Верю. Люблю. Живу». Наградив лауреатов, губернатор вручила руководителям района сертификат на приобретение специально оборудованного микроавтобуса для организации концертной деятельности.

После завершения официальной части на «Солнечной поляночке» выступили ар-

тисты из Санкт-Петербурга Евгений Южин и Алина Атласова, а также образцовый хоровой коллектив детской музыкальной школы №3 города Муром.

Особенностью нынешнего праздника стало участие в нём исполнителей и поэтов, впервые открывших для себя и праздник, и Фатьянова, и его малую родину. Поэтому 45-й фестиваль проходил под девизом «Здравствуй, Фатьянов!». На сцену поднимались поэт Валерий Латынин, молодой коллектив из Зеленограда «Трио "Отражение"», актёр театра и кино, поэт, бард Алексей Никульников, певица Татьяна Ветрова, солист ансамбля Центрального дома Российской армии Алексей Зубарев, поэт, председатель Омской писательской организации Валентина Ерофеева-Тверская, поэт Баир Дугаров, вязниковские театр танца «Империя» и театр песни «Сюрприз».

Затем состоялась церемония вручения районной Фатьяновской премии «Со-

ловьи, соловьи». Её лауреатом стали певица Людмила Швец, поэтесса Светлана Дейч, а также поэт, переводчик, драматург Владимир Костров.

Всех участников и гостей 45-го Всероссийского Фатьяновского праздника поприветствовала учредитель Культурного центра имени А.И. Фатьянова, его внучка Анна Китина. Она представила находящихся среди зрителей внуков композиторов Соловьёво-Седого и Мокроусова — Василия Соловьёво и Максима Мокроусова.

Выступления продолжили поэт и композитор Наталья Черных, солист театра «Новая опера» Сергей Шерemet, московская группа «Пятеро», поэт, актёр Владимир Вишневский, заслуженный артист республики Карелия Владислав Косарев, заслуженная артистка Республики Татарстан Эльмира Калимуллина, композитор Александр Морозов, исполнительница народных песен Марина Девятова и шоу-балет «Яр-денс», певец, композитор, телеведущий Марк Тишман. Гостем 45-го Фатьяновского праздника также стал заслуженный деятель искусств РФ Игорь Николаев.

Поэты и артисты подарили зрителям яркую программу, которая запомнится надолго. Восторгу многочисленных гостей не было конца!

Пресс-служба администрации
Вязниковского района

Поэзией сближая народы

Окончание. Начало стр.1

Ярким было обращение к собравшимся заслуженного работника культуры РФ, публициста, корреспондента Николая Терещука, вручившего президенту ЦДА медаль «За заслуги в борьбе с международным терроризмом», а актрисе театра и кино, педагогу, поэтессе Светлане Лебедевой — медаль «За труды в просвещении, культуре, искусстве и литературе».

Продолжил награждение секретарь правления Московской областной организации писателей России Эдуард Хандюков. Передав от председателя МОО СПР Льва Котюкова слова пожелания успехов в укреплении традиционных связей между литературами России и Афганистана, он вручил президенту ЦДА диплом и медаль лауреата премии «Золотое перо Московии», а так же дипломы и медали имени лауреата Нобелевской премии Ивана Бу-

нина афганским литераторам Наджимрахману Маваджу, Хасану Шерхасану, Шаху Хайдару. Российской делегации на имя Льва Котюкова и Эдуарда Хандюкова президент ЦДА и глава посольства Афганистана вручили благодарственные грамоты за плодотворное многолетнее сотрудничество.

Литературную часть вечера продолжил Мавадж Наджимрахман чтением своих переводов на фарси стихотворений Александра Пушкина. Тепло были встречены переводы текстов песен современников Ахмада Захира и Эхсана Амана в писателя Анвара Тавобова. Хасан Шерхасан, рассказал

о жизни Пира Мохаммада Какара и прочёл на пушту несколько его стихов. В авторском переводе на русский эти же стихи продекламировал Эдуард Хандюков. Своё стихотворение, посвящённое памяти афганского классика проникновенно прочла Людмила Авдеева. Не менее душевно звучали стихи Пушкина в исполнении юных Бахмана Фарды и Памира Джалала.

В заключение вечера Насим Саар исполнил песню «Фатима» на стихи Эдуарда Хандюкова в переводе на фарси Рахматулло Раванда, даже без музыкального сопровождения встречу одобрили аплодисментами.

Эдуард ВАЛЕНТИНОВ

Останутся ваши следы...

14 августа стало известно, что скончался Эдуард Успенский. Ему было 80 лет.

Писатель родился 22 декабря 1937 года в Егорьевске. Стихи и рассказы он начал писать ещё в школьные годы. При этом известность приобрёл как юморист: в 1966 году он, Аркадий Арканов, Григорий Горин и Феликс Камов выпустили книгу «Четверо под одной обложкой», которая и принесла авторам популярность.

Кроме того, Успенский был автором сценариев к мультфильмам про Крокодила Гену и Чебурашку, приключения друзей из Простоквашино, цикла «Следствие ведут Колобки», «Пластиковая ворона» и многих других.

Успенский известен детям и взрослым не только как писатель, но и как драматург, сценарист, телеведущий и идейный вдохновитель таких телепрограмм, как «Спокойной ночи, малыши!», «АБВГДейка», «Радионяня» и «В нашу гавань заходили корабли». Выражаем глубокие соболезнования родным и близким писателя.

Скорбим с вами.

ОЛГ

Не стало Владимира Войновича. Уходят люди...И пусть это звучит патетично, с ними уходит эпоха, в которой было так много самого разного...

А вместо некролога в память о Владимире Николаевиче опубликуем эти строки из песни «Четырнадцать минут до старта», которую он написал в дни первых космических полётов.

Я верю, друзья,
караваны ракет

Помчат нас вперёд от звезды до звезды.
На пыльных тропинках далёких планет
Останутся наши следы...

Песня стала любимой у советских космонавтов. Всего за свою жизнь поэт написал тексты для более чем 40 песен. Самым известным произведением автора стал роман «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина». Человек и гражданин, Войнович до конца своей жизни принимал активное участие в движении за права человека и находился в конфликте с властями. Что-то невозможное ушло вместе с ним... Скорбим.

ОЛГ

Руководство Международного сообщества писательских союзов выражает искренние соболезнования родным и близким Юрия Тарасовича Грибова в связи с его уходом из жизни.

Юрий Тарасович был замечательным человеком, нашим верным соратником и талантливым литератором. Он — ветеран Великой Отечественной войны и свидетель легендарной встречи на Эльбе.

Был спецкором газет «Советская Россия», «Правда», главным редактором газет «Литературная Россия», «Неделя», заместителем главного редактора газеты «Известия». После распада СССР сотрудничал с газетой «Красная звезда». Большой читательский резонанс вызвали очерки Юрия Грибова о знаменитых людях России — военачальниках, писателях и деятелях культуры. Кавалер пяти орденов, полковник в отставке. Его кончина — невосполнимая утрата для русской литературы. Память о Юрии Грибове навсегда останется в наших сердцах!

С глубокой скорбью
председатель МСПС Иван Переверзин

Цветок поэту

**Как сообщает
Общество любителей
Дома-музея М.Ю. Лермонтова
в Москве, в Национальном
парке «Кисловодский» прошло
закрытие выставки
детских рисунков
«Ландыш серебристый»,
которая стала
продолжением
одноимённого конкурса**

Мы пообщались с автором идеи и организатором выставки и конкурса, членом Московского Лермонтовского общества Марией Михеевой-Никитиной и вот что она рассказала:

— Я объездила почти все лермонтовские места, но не была в Чечне. Мне очень хотелось увидеть Валерик, где храбро сражался Лермонтов. И вот, наконец, это сделать удалось. Сентябрь 2017 года. Ещё тепло. Я стою в поле у русла реки, совсем обмелевшей. Внешне даже не река — ручей (как у Лермонтова, «ручей телами запрудили»). Нас встретил глава села Валерик Магомед Зарахматов. Радужие чеченцев не знает границ. Как и любовь к Лермонтову. И я дала себе слово, что привезу в Чечню копию выставки «Лермонтов-художник» из собрания ГЛМ (она в тот момент находилась в Кисловодске, куда её за свой счёт доставила член Московского Лермонтовского общества

Чеченской Республики.

Реакция была потрясающей: книга отзывов исписана почти вся. Для многих посетителей стало откровением, что великий поэт писал такие шикарные картины. Чеченцы очень любят Лермонтова. Они считают его своим.

В школе села Валерик открылся небольшой музей М.Ю. Лермонтова, он был там до трагических событий чеченской войны.

Наталья Купцова). Через три месяца, 26 декабря, выставка открылась в Национальном музее

Мы наполнили пространство школы фотокопиями картин Лермонтова, привезли в местную библиотеку большое число книг по лермонтовской тематике. Тогда и родилась идея конкурса «Ландыш серебристый». Хотелось, чтобы творчество Лермонтова непременно нашло отклик в детских сердцах.

У конкурса необычное название. Оно заимствовано из стихотворения М.Ю. Лермонтова «Когда волнуется желтеющая нива...» («Из-под куста мне ландыш серебристый/Приветливо кивает головой»). Ещё я вспомнила слова русского религиозного философа Сергея Дурьлина, который в письме своему другу П.П. Перцову

писал: «У Вас есть ощущение неповторимого бытия Лермонтова, и у вас есть ощущение его аромата — как то запах лермонтовского ландыша. Это его цветок — и он у вас благоухает». Мне кажется, что в каждом из участников конкурса благоухает цветок Лермонтова, его гениальной поэзии, всего гениального, что он делал.

Ребята соперничали в номинациях: лучшая иллюстрация к произведениям Лермонтова, лучшее прочтение стихотворения Лермонтова, лучшее авторское стихотворение, посвящённое Лермонтову. Кроме того, был организован шахматно-шашечный турнир, так как Лермонтов замечательно играл в шахматы. Работы в номинации «лучшая иллюстрация» вышли замечательными. Однажды, рассматривая их, я подумала: «А что, если организовать выставку?» И вот в Нарзанной галерее Национального парка «Кисловодский» открылась выставка с одноимённым названием «Ландыш серебристый». На её закрытие, 15 июля, приехали юные авторы картин и рисунков из Чечни. Мы показали им Музей-заповедник М.Ю. Лермонтова в Пятигорске. Специально для них старший научный сотрудник музея Екатерина Сокина провела экскурсию. Я видела, как дети счастливы!

Я очень люблю Кавказ, а сил мне прибавляет то, что результат достигнут. Не сомневаюсь: дети по-настоящему прониклись творчеством М.Ю. Лермонтова. Но ещё важнее, что между русским и чеченским народами завязалась не просто дружба, а большая любовь. Ребята пишут мне каждый день, скучают, ждут новых встреч. Это чувство взаимно!

Заберу с собой я горсть землицы...

Начало на стр.1

Российские литераторы совершили церемонию принесения земель из 12 исторически значимых мест страны к «Священному холму единения и славы России», который находится в посёлке Изборск.

Цель проекта — способствовать возрождению святынь страны. Холм воздвигнут в 2007 году, в его основании находится земля, привезённая из разных городов и исторических мест, в том числе с территорий древних крепостей и сражений, с могил великих людей. Здесь есть земля, доставленная из Александровской области, Палестины, станции «Дно», где последний русский император Николай

II подписал документ о своём отречении, и грунт из освобождённой Абхазии и Южной Осетии.

В нынешнем году литераторы привезли землю из Перми, где создавалась молотовская бригада Уральского танкового корпуса, с «Дороги жизни» из Ленинградской области, из Ипатьевского монастыря Костромы, откуда был призван первый Романов на царствование, из Петербурга, где жил первый крестьянский поэт...

В рамках фестиваля в «Нескучном садике» государственного историко-архитектурного и природно-ландшафтного музея-заповедника «Изборск» прошли поэтические чтения, выступления поэтов и авторов-исполнителей, встречи с известными российскими писателями. Состоялся кон-

курс, посвящённый 95-летию со дня рождения известного поэта-фронтовика, одного из основателей Псковской писательской организации Игоря Григорьева. Кроме того, литераторы посоревновались в поэтическом мастерстве на конкурсе исторической поэзии «Словенское поле». А в Псковском областном колледже искусств имени Н.А. Римского-Корсакова прошла творческая встреча с известными русскими поэтами Владимиром Шемшученко и Игорем Тюленевым.

По итогам фестиваля будет издан сборник избранных произведений.

Соб. инф.

Директор Оренбургского областного Дома литераторов имени С.Т. Аксакова Виталий Молчанов — победитель конкурса исторической поэзии «Словенское поле — 2018»

Память о нём — это память о целой эпохе

Начало на стр.1

Автор скульптурного портрета Андрея Дементьева — Григорий Потоцкий. Он отметил, что создал его после личного знакомства с поэтом.

«Бюст был создан в 1990 году, когда я познакомился с Андреем Дмитриевичем. Дементьев — это целая эпоха. Всё лучшее, всё духовное, что есть в человеке, несла его поэзия», — отметил скульптор.

В церемонии открытия бюста приняли участие вдова поэта Анна Пугач, заместитель председателя правительства Тверской области Андрей Белоцерковский, а также известные деятели культуры и литературы, в том числе поэт Геннадий Красников, прозаик Юрий Поляков, актёр Валерий Бариню.

Церемония проходила в рамках Молодёжного поэтического форума «Поэзия — рискованный полёт». Здесь, в Твери, собралось более 50 молодых поэтов — местных, из Москвы, Санкт-Пе-

тербурга, Тулы, Ростова-на-Дону, Барнаула, Саратова, Липецка, Йошкар-Олы и других регионов России — победителей учреждённого Андреем Дементьевым всероссийского конкурса «Зелёный

листок». Форум стал главным событием в числе областных мероприятий, посвящённых пятилетию открытия Дома поэзии, который был создан правительством региона по предложению Андрея Дементьева.

Теперь этот единственный в России Дом поэзии носит имя Андрея Дмитриевича.

В своём приветствии участникам церемонии губернатор Тверской области Игорь Руденя высоко оценил значение творчества поэта для региона: «Андрей Дементьев всегда был родным человеком для Тверской области, здесь он родился, вырос, провёл свою молодость. Память о нём, его творчестве — это память о целой эпохе».

«В его стихах много любви к малой родине, любви к стране, ощущения жизни и природы как единого целого. За его простотой — и мудрость, и блестящая техника стиха, и традиции русской поэзии, которые он продолжил», — сказала вдова поэта Анна Пугач.

В будущем в Твери планируется установить памятник Андрею Дементьеву и назвать одну из улиц именем поэта. А ещё в регионе учредят литературную премию им. А.Д. Дементьева для победителей ежегодного конкурса молодых поэтов.

Зной ослабел, но не настолько, чтобы
Дышалось вдохновенно во всю грудь,
Но это не рождает в сердце злобы,
Не говорит: всё светлое забудь!..
— Пусть нелегко сложилась жизнь сегодня...
Но с неба манна я не ждал вовек,
Поскольку знаю, что за дар Господний
Не в силах расплатиться человек.

Живое дыхание времени

Иван Переверзин, как сказала бы Марина Цветаева, поэт развития: он каждой новой строкой, каждым новым стихотворением предстаёт перед читателем абсолютно с неожиданной стороны.

Великий Блок говорил, что он — «сын Гармонии, поэт», и эта творческая истина подтверждена каждой строфой Ивана Переверзина, о чём свидетельствуют новые тома сочинений поэта. Но о гармонии можно говорить только в том случае, если автор обладает безукоризненной способностью органично использовать образные средства, которыми так богата отечественная словесность. Именно этой способностью наделён Иван Переверзин.

Гармония не живёт сама по себе, она должна быть — «органично, надёжно!» — связана с содержанием. А содержание идёт от глубинного знания народной жизни, именно это, к слову сказать, в 20-м столетии отличало творчество Александра Твардовского.

Иван Переверзин — поэт самобытный: он настолько тонко чувствует природу, её всеохватную музыку, что в его стихах она проявляется героем, наравне с лирическим «я» поэта. И здесь он — поэт почвы — очень близок Твардовскому, который не мыслил себя без изображения природы среднерусской полосы.

Вот два стихотворения поэтов.
Твардовский:

Отыграли по зимним оврагам
Торопливые воды весны.
И пошла она сбавленным шагом
В междуречье Пахры и Десны.
Где прямою дорогой, где кружной —
Вдоль шоссе, по закрайкам полей.
И помятые, потные,
Дружно
Зеленя потянулись за ней.

А это Переверзин:

Глухомань — я один на тропке...
Стужа в тело вбивает гвоздь,
Но алеет у самой сопки
Из-под снега брусники гроздь.

Сразу, сразу пошёл я легче,
Несмотря, что путь в сопке крут.
Словно чьи-то крылья за плечи
Подхватили и высь — несут.

Стихи равновелики, потому я думаю, что Твардовский, не колеблясь, поставил бы под стихами Переверзина своё имя. Вот почему за творческим «я» Ивана Переверзина стоит соборное «я» великого русского народа, и выразить эту соборность способен только могучий талант, сумевший постигнуть почву народной жизни, коя в его творчестве становится почвой поэтического слова:

Туман клубится. Холод люгый
Ползёт, как ящур, на дома.
Привет, родная для якутов,
Но очень страшная зима.

Она лицо грызёт медведем
И разрывает сердце льдом...
И — неизвестно, а доедем?...
И — непонятно, а дойдём?

Не защищает мех звериный
И жаркий шарф из шерсти коз.
И ветер яростный и сильный —
До ледяных, горячих слёз...

Идёшь, дыханье громыхает,
Как будто кровельная жесть.
И стужа, кажется, срывает
С тебя одежду всю, что есть.

Одно спасает — это дело,
В котором счастье мир найдёт...
Таков мой край оледенелый,
Летящий в солнечный восход!

Звукопись этих ярких строк словно сама создаёт образ якутской зимы — яростной до срыва одежды, и идёт по строфике жестяной сонорный звук «р», сам становящийся жестяным дыханием обледенелого края.

Яркой особенностью этих стихов является безукоризненное чувство меры в использовании поэтом образных средств, о

чём свидетельствует слиянность формы и содержания. И этой органичной слиянностью обладает только могучий талант, такой как Пушкин и Некрасов, Есенин и Луговской, Твардовский и Смеляков.

Я читаю стихи Переверзина и вижу, что слово само ведёт поэта за собой, ему остаётся только одно — чувствовать его ритм, его аллитерации, олицетворения, метафоры, которые часто опоясывают целое стихотворение, и ни на шаг, то есть ни на стопу не отдалятся от судьбоносного слова.

Уже в «Северном громе» — одной из лучших своих книг, Иван Переверзин штрихами наметил путь своего творческого развития. И он оказался непростым и не таким скорым, как ему хотелось бы. А задача перед поэтом стояла наисложнейшая: через любовь, через отношения с любимой показать и себя, и её, и свой век, суровый и часто несправедливый, и передать так, чтобы за каждой строкой стоял и человек, и его непростая эпоха, которая идёт по строфике живым дыханием времени...

Выразить своё время, его движение, которое порю оборачивается вспять, через любовное чувство дано только истинному таланту. И в этом чувстве должно быть столько оттенков, иногда взаимоисключающих, столько осознанных и неосознанных порывов — через сомнения, страдания, неуверенность и даже обречённость — что перед читателем встаёт не просто лирический герой со своим индивидуальным «я», но огромное, беспощадное своей огромностью «мы».

«Я» и «мы» в новых стихах Ивана Переверзина и едины, и почти неодолимо противоречивы, и тонкое исследование этих двух ипостасей в их, кажется, неодолимых противоречиях позволяет поэту постигнуть суть человеческого счастья, которое может оборваться мгновенно:

Быть может, мы с тобой увидимся ещё,
Но мысленно с тобой уже прощаюсь.
И всё мрачнее в небе синий шёлк,
На облаках, как на ветвях, качаясь...

В этом соединении земного и небесного проступает небесность его чувства, кото-

рое — такова уж человеческая натура — может стать таким хмурым, как помрачневший шёлк небес. Это стихотворение состоит всего из одной строфы, но она, говоря словами классика, томов огромных тяжелей.

Иван Переверзин — тончайший исследователь движения человеческой души, а её состояние так непредсказуемо, что поймать его, как птицу на лету, может только поэт, душа которого так же внезапна, точно она живёт сама по себе, не подверженная действию разума, рассудка и даже обычного здравого смысла.

Время — через чувство, век — через любовные страдания, через жизнь народа, не называя его, не обращаясь к нему, — вот тот поэтический принцип, который исповедует автор и который, воплощённый в ярком образном слове, говорит и о времени, и о человеке, живущем в мире сегодняшнем, истерзанном нравственными, духовными и социальными разногласиями. И всем этим противоречиям, почти неразрешимым, противостоит надёжно и верно русский дух, о чём поэт убедительно говорит в одноимённом стихотворении:

Прощай, скала, с которой жаждал
Сигать в пучину вод морских,
Как будто клятву дал однажды —
Рождаться в песнях огневых.

То выше звёзд взлетал я в песне,
То за дельфином в море плыл,
И, страстью окрылён небесной,
Ту, что желанней всех, любил.

Короче, как всегда по полной
Жил в свете путеводных звёзд.
Как будто ветром свежим в волнах —
Душой, как тополь, мощно рос.

И точно, счастлив был нагорно!
Но ты, скала, жди час, когда
Мне будешь всё-таки покорна,
Ведь крепким духом Русь тверда.

Удивительна символика этого произведения: скала-то и есть русский дух, который в стихотворении, по сути, не назван, и

Николай ЛУГИНОВ

К 70-летию народного писателя Якутии

Кустук

повесть
(печатается в сокращении)

Кустука — по шее, вдоль лопатки поперёк спины, обвив туловище, концом впиалась в живот. Дыхание у него перехватило, Кустук не заметил даже, как свалился с ног. Сквозь померкший свет всё-таки увидел, как Кырбай, получив удар, блеснул клыками и зарычал. Он и прежде, бывало, рычал, но опустив голову и пряча клыки. Теперь у него накопилось много злобы. Он открыто зарычал,

оскалил зубы и попытался ухватить цепь. Видно, в ней, а не в хозяине видел своего врага. А цепь охаживала их нещадно... До Сырбая цепь тоже дотянулась, как ни кодил тот, ни вжимался перед хозяином в снег. Но Сырбай был настолько изворотлив, что и удары умел смягчать. Собаки зализывали торопливо раны, повизгивали, и громче всех, конечно же, Сырбай. Только Басыргас восседал спокойно и с презрением поглядывал на валяющихся в снегу скулящих собак. Можно было подумать, что он стоит выше их ничтожного нытья. На самом деле его просто не били.

Но битые собаки смотрели на Басыргаса с презрением.

И кроме Сырбая, никто не завидовал его недостижимости и особому положению. Может, завидовали бы слабые — Маган и Харас, но для них он был просто существом высшей породы. Однако любой пёс — Сырбай, кряжистый Кырбай или Кустук — с удовольствием бы подрался с Басыргасом, пусть даже у того самые длинные клыки и крепкая стать. Но за него вступает хозяин. Поскуливая, продолжая залиживать раны, тронулись в путь. Кустук, некоторое время спотыкаясь, бежал на трёх лапах — правая после удара по лопатке у него отнялась. Но теперь их уже не тяготил мучительный страх. Побой на сегодняшний день остались позади. А завтра... Через день-два всё повторится сначала. Таков их хозяин, выметающий снег на своих собаках.

Когда наконец добрались до тордоха, измученные собаки даже не залаяли, выражая свою радость. Байбал распряг собаку, развёл по местам, посадил каждую на цепь. Затопил печь, и вскоре из тордоха поплыли запахи варёного мяса. У усталых, не кормленных собак заблестели глаза.

Но не скоро ещё вышел хозяин из тордоха. Сытый, разморенный, он наконец показался на пороге жилья, держа в руках мешок с мороженой рыбой. Собаки беспокойно зашевелились, поняв, что сейчас получат еду. Маган и Харас запрыгали, задрал хвосты; Сырбай прижал уши, вытянул морду и принялся скрести передними лапами снег, выказывая всем своим видом покорность и благодарность хозяину. Байбал любил торопить и подгонять собак в упряжке, сам же всегда двигался медленно. Вот и сейчас он неспешно достал из серого мешка семь рыбин разной величины, сложил рядом. Подумав немного, самую крупную бросил Басыргасу, вторую рыбу, чуть поменьше, Сырбаю.

Посмотрел, как те жадно перемалывали клыками мёрзлое мясо, перевёл взгляд на остальных собак, как бы давая понять: вот, мол, какими надо быть, чтобы получать самые большие рыбины. Маган и Харас жалобно заскулили, срываясь на рыдающий лай. Хозяин поощрил их двумя рыбинами. Собаки мигом оттащили свои рыби-

ны в сторону и, пряча под себя, боясь, как бы не отобрали дарованный кусок, стали жадно глотать мороженое мясо.

Харабыл, Кырбай и Кустук, терпеливо ожидавшие положенные доли за безотказный свой труд в упряжке, получили самые мелкие рыбины. Хозяин не упустил случая лишний раз наказать собак за их непокорный нрав.

По тому, как Байбал с вечера стал готовить нарты, собаки поняли, что завтра они поедут в посёлок. А это значит, что у них будет несколько дней отдыха! В посёлке у Байбала есть дом, жена Маайыс и двое сыновей, которые любят возиться с собаками, кормить и ласкать их!

Кустук думал о том, что в посёлок за ним может приехать Иччи-Охонон. Только бы он приехал! Тогда конец этой унижительной неволе, они с Иччи вернутся в родные края. Туда, где среди шумящей зелёной тайги стоит их бревенчатый дом!

Жизнь Кустука была тесно связана со всем происходящим в том доме. Он был, можно сказать, полноправным членом семьи, разделял с людьми горе и радость. Маленьким щенком он попал в этот дом и прожил в нём большую часть своей жизни. Но уехала куда-то молодая Ааныс с высоким парнем, от которого пахло машинами. Вскоре заболела и умерла старуха Дарья, жена Охонона. Пустынным и мрачным стал дом. Старый охотник Охонон сильно загрустил. От него всё чаще стало разить вонючим зельем, от которого он лишился разума. В доме начали собираться какие-то незнакомые громкоголосые люди. И хотя они часто приходили с ружьями, но почти не охотились. Целыми днями только ели, пили и говорили, говорили, стараясь перекричать друг друга.

Однажды после такого шумного застолья Иччи-Охонон, прощаясь, долго жал руку какому-то человеку по имени Байбал. Потом вдруг первый раз надел на Кустука намордник, незнакомый ошейник с цепью и передал цепь Байбалу. Была бы жива Дарья, она и в дом-то такого, как Байбал, не пустила. Байбал грубо потянул за собой Кустука и начал подгонять его пинками, хотя Кустук и без того послушно следовал за ним.

Иччи-Охонон остался в доме совсем один. Конечно, на следующее утро он уже пожалел, что отдал Кустука чужому человеку. И теперь ждёт не дожждётся, когда Байбал вернётся в посёлок. Иччи-Охонон заберёт Кустука!

Близость воли будила воспоминания о прошлой жизни, не давала Кустуку покоя, наполняла силами, с которыми не было сладу. Впервые ему захотелось побыстрее запрячься в упряжку и бежать, бежать во весь дух в посёлок, где ждёт Иччи-Охонон. Кустук нетерпеливо поднялся, звеня своей цепью.

Другие ездовые собаки даже не знают, что такое воля. Всю жизнь на привязи, в ремнях и цепях, словно в них и родились. Никогда не видели тайги! Не ведают, как пахнут деревья. А ведь каждое дерево пахнет по-своему... А когда становится немного холоднее или теплее, все запахи меняются. Так же, как и запахи зверей, резкие, но обманчивые.

Иногда след недельной давности можно спугать со вчерашним. А нужно определить не только, какой зверь прошёл и когда, но и, учитывая время года и повадки зверя, понять, куда направляется он, голодный или сытый. И всё это нужно

суметь определить как можно скорее, скорее! Иной раз в поисках утерянного следа приходится рыскать по лесу долгое время. Зато какая радость, когда след найден! После разделки убитого зверя Иччи-Охонон самые лакомые куски бросал ему, своему верному помощнику.

Прекрасна вольная таёжная жизнь! Кустук без слов угадывал и исполнял малейшие желания своего хозяина, находя в этом великое счастье! Ибо знал, что Иччи-Охонон дорожит Кустуком и любит его.

Сопровождаемая лаем двух дюжин поселковых собак, упряжка влетела во двор хозяина. Из дома на шум выскочили мальчишки, сразу бросились к собакам, стали их обнимать, трепать по загривкам. Собак распрягли, отвели по местам. Вышла Маайыс, каждому псу дала вкусной еды. Кустуку показалось, что ласковее всех она погладила его.

Взгляд Кустука был прикован к двери дома. Там, за дверью, наверное, сейчас одевается Иччи-Охонон. В своей извечной медлительности он повязывает шарф, натягивает рукавицы. И сейчас выйдет! Кустук среди множества запахов вдруг как будто учуял учуял запах родного человека!..

Уже Байбал с двумя сыновьями разгрузили нарты и ушли в дом, а Кустук всё неотрывно смотрел на дверь. Иччи-Охонон не появлялся. Кустук снова и снова принюхивался, но теперь не мог уловить знакомый запах. Иччи-Охонона не было! Не приехал! Запах, видно, всего лишь почудился ему, потому что он всё это время думал о своём старом хозяине. Кустук обманулся! Так и будет он до конца дней своих таскать упряжку жестокого и глупого Байбала. Но зачем нужна такая жизнь?!

Маайыс и мальчики накормили собак вволю. Кустук так и не притронулся к пище. Лучше бы ему не возвращаться в посёлок, лучше уж тянуть лямку, быть битым цепью, чем знать, что Иччи-Охонон не приехал!

Заснуть собаки не могли: их долго будоражило нестихающее движение на улице. Они облаивали своих вольно бегающих собратьев, проезжающие машины, проходивших людей. Долго шумел и горланил в доме Байбал, упившись той несносно вонющей водой, которая лишает людей разума. А когда он замолчал наконец, среди ночи вышла Маайыс. Увидев, что Кустук ничего не съел, она сходила в дом и принесла кусок тёплого варёного мяса. Кустук проглотил еду, почти не почувствовав вкуса, взвизгнул от радости и прильнул к её ногам. Он отвык уже от человеческого тепла и участия... Маайыс напоминала дочь Охонона — юную Ааныс. Кустук благодарно и ласково поскуливал, словно спрашивая: что с Охононом? Может, он болен и не в силах прийти? Или, не приведи бог, попал в беду? Мало ли какие несчастья могут случиться с охотником, если у того нет хорошей умной собаки!..

Вот и тогда, когда они выследили медведя, который в одном из далёких аласов задрал корову, замешкайся Кустук хоть немного — и беда была бы неминуемой.

Воинственным лаем выманил Кустук зверя из логова на открытое место. Обежал вокруг него, чтобы отвлечь медведя на себя и дать возможность Охонону точнее прицелиться. Раздался выстрел. Медведь подскочил и взревел так, что, кажет-

ся, тайга закачалась! Потом бросился к человеку. Второй выстрел его тоже не свалил и даже не остановил. Кустук, пытаясь задержать зверя, едва успел увернуться от удара его когтистых лап и стал лаять перед самой мордой медведя. Но тот отмахивался от собаки и упрямо двигался к Иччи. Кустук, впервые видевший медведя, вдруг откуда-то догадался, что самое уязвимое место у того пониже задницы. Видимо, опыт предков, не раз сражавшихся с грозным хозяином тайги, заговорил в нём. Кустук обжал медведя справа и впился сзади в это самое место.

Охонон успел перезарядить ружьё и выстрелил в третий раз. Медведь хрипя медленно повалился на бок. Из последних сил он со страшной злобой царапал землю, пока его когтистые лапы не сошлись в предсмертных судорогах.

Как же обнимал и целовал тогда Иччи-Охонон Кустука! И собака благодарно жалась к человеку. Два смелых охотника торжествовали победу.

Маайыс нежно поглаживала его, приговаривая и печально улыбаясь иногда, словно что-то вспоминая. Вдруг она отстегнула ошейник. Кустук от неожиданности замер, потом кувыркнулся на снегу и стал неистово носиться вокруг Маайыс.

Так, вдвоём, они пересекли улицу и вышли за посёлок. Впереди простиралась тундра. Кустуку хотелось без оглядки бежать в её манящую даль. И в то же время даль эта пугала жуткой неизмеримой бесприветностью. Маайыс вдруг уселась прямо на снег и горько заплакала. Кустук положил голову ей на колени, поглядел в глаза, догадываясь, что и этого доброго человека сдерживают невидимые цепи в какой-то своей упряжке, из которой она хочет вырваться, да не в силах, что её тоже гнетёт тоска по своему Иччи, без которого нет смысла жить. Ведь собаки и люди плачут одинаково...

Наутро хозяин, помятый, злой, будто сильно покусанный в драке, стал собираться в дорогу.

Так толком и не отдохнув, едва понюхав вольготной жизни, собаки снова, погоняемые хозяином, устремились в тундру. Байбал, чем-то недовольный, смотрел с нарт упрямо, опять копил в себе тяжёлую злобу. И собачьи бока заранее начинали ныть, предчувствуя ожидающие впереди побои.

Ждать пришлось недолго. Они приближались к очередному капкану — Байбал по пути проверял снасти. Вдруг прямо перед упряжкой вспорхнула большая стая куропадок. Собаки от неожиданности припустили за ними и в азартном запале, несмотря на предостерегающие крики хозяина и тормозящий тарыр, дотащили нарты до самого капкана, где, стремясь вырваться, бился песец. Басыргас и Сырбай, прежде чем Байбал успел подбежать, вцепились в песца и разодрали его надвое.

На этот раз крепко досталось и Басыргасу. Куда только подевалась вся его гордая презрительность! Взвизгивал до писка, катаясь на спине, моля о пощаде. Избив Басыргаса и Сырбай, хозяин принялся охаживать цепью и остальных собак. Кырбий рыкнул и чуть было не укусил хозяина. Байбал стал так жестоко лупцевать неугодную собаку, ругаясь и захлёбываясь от злобы, словно во всех его бедах и неудачах был виноват один Кырбий.

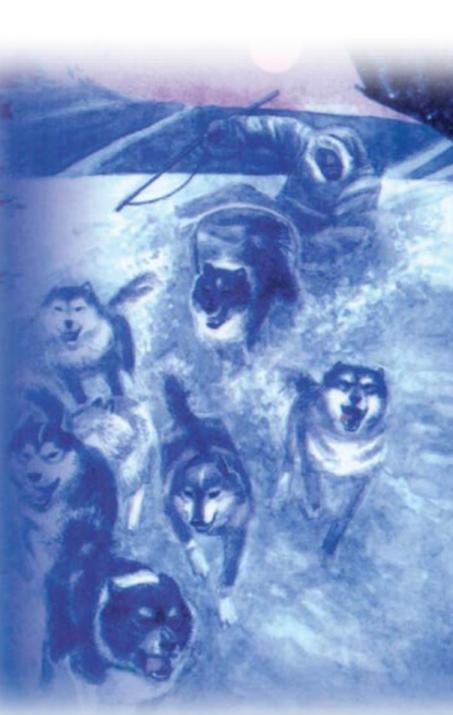
Доехав до места, хозяин раздал всем по рыбине. Кырбий не ел. Но собак насторожило не это. Кырбий сидел весь в смёрзшихся на шерсти кровавых сосульках и смотрел... совершенно беззлобно. Взгляд его был пуст, словно он ничего перед собой не видел. Вдруг Кырбий завыл — завыл не своим голосом. Протяжным, с хрипотцой, заунывным до жути.

Кырбий происходил от волков. И теперь сделался особенно похожим на своих предков. К ним, к их вольной доле, которая обошла в жизни Кырбья, был его зов. Негромкий, странный, непонятный

собакам вой, казалось, достигал самых звезд. Едва различимо, почти сливаясь со звенящей тишиной, донеслись в ответ волчьего голоса. Но не слышно было в них упоительного счастья свободы. Лишь тоска и страдание... Байбал подошёл к собакам. Сырбай, зазвенев цепями, бросился навстречу, выказывая радость. Но вместо ласки получил пинок в грудь. Хозяин потыкал Кырбья длинной палкой. Тот, вытянув морду, изредка завывая, продолжал смотреть помутневшим взглядом на звёздное небо.

Наутро после ночёвки, как обычно, собралась в дорогу. Но не успели сделать несколько шагов, Байбал остановил упряжку. Выпряг Кырбья, отвел в сторону и ударил тяжёлой толстой палкой по голове. Ударил со всего маху, не так, как бил, наказывая, без всякой ругани и злобы, хладнокровно. Кырбий все силился встать, но не мог, постепенно затихал, лишь скрёб ногами по снегу. Наконец дёрнулся и застыл с вечным уже злым оскалом белых клыков.

Ничего не изменилось после смерти Кырбья. Днём собаки всё так же тянули в упряжке нарты, бежали по необозримым просторам белой тундры. Терпели по-

бои,лизывали раны. По ночам всё так же где-то далеко-далеко выли волки. И по-прежнему казалось, что это голоса не самых сильных и грозных хозяев тундры, а брошенных на произвол судьбы беспомощных щенят. К кому они зывали? Какого своего всемогущего, способного их понять Иччи потеряли?

Те же звёзды каждую ночь грустно взирали на землю. И кружили, кружили вокруг Полярной звезды, будто собаки на привязи. А когда срывалась какая-нибудь из них с небосклона, то, не успев долететь до слияния неба и земли, тотчас сгорала. И уже невозможно было определить прежнее её место. Да и была ли она вообще? Звёзд на небе не убавлялось. На всём лежала печать векового покоя и терпения.

Кустук замкнулся. Ушёл в себя после гибели Кырбья. Только резкая боль от удара ненадолго вырывала из наполнявшей всё его существование мечты об Иччи.

Всё это терпится только потому, что везде и всегда ощущается незримое присутствие Веры. Без неё Кустук давно бы пропал. А есть ли Вера у несчастных волков? А у звёзд в небе?

Как-то раз сквозь ночную дрему собаки услышали надвигающийся прямо на них мощный гул. Вскочили разом, не понимая со сна, в чём дело. Вскоре увидели большое стадо пронесшихся мимо диких оленей. Собаки рванулись вперёд, к оленям, но цепи не пускали их, ошейники

больно сдавливали горло, опрокидывали навзничь.

Кустук вместе со всеми бешено рвался с привязи и вдруг в какой-то момент почувствовал, как цепь перестала удерживать его! Очутившись на свободе, он стрелой полетел вслед за оленями, поглощённый азартом погони, распаяясь от резкого запаха животных, от топота тысяч копыт! Рядом с ним, заливаясь лаем, бежали Харабыл и Маган. Так они гнались за стадом до самого утра, пока не выбились из сил и не отстали, не потеряли оленей из виду.

Легли на снег с высунутыми языками. Осмотрелись. За Кустуком тянулась длинная цепь. За Харабылом — короткий огрызок. А Маган был даже без ошейника.

Отдышавшись, Кустук поднялся. Посмотрел на юг, а после на двух других вырвавшихся на свободу собак. Харабыл улыбнулся и, ни на кого не оглядываясь, побежал по их следу обратно к упряжке. Кустук постоял ещё немного рядом с Маганом, потом, призывно махнув хвостом, устремился в противоположную сторону, по направлению к Югу, туда, где, по его расчётам, жил Иччи-Охонон.

И день и ночь напролёт Кустук, не зная усталости, бежал по тундре. Длинная цепь тянулась за ним по снегу, мешала ему передвигаться, но удержать его уже не могла. И только к закату следующего дня, увидев издали хромого песца, Кустук почувствовал голод. Бросился вдогонку, быстро настиг и разорвал зверька, даже кровь слизнул со снега. Чувство сытости приятно разлилось по телу, размягло мышцы. Свернувшись клубком, Кустук впервые за долгое время крепко проспал всю ночь. Наутро с новыми силами пустился в путь.

Минуло ещё несколько дней и ночей. Много кес пустынной тундры осталось позади, когда Кустук увидел на белом снегу тёмную приближавшуюся точку. Рванулся навстречу. Скоро точка выросла в волка.

Собака и волк, приблизившись, замерли друг против друга. «Откуда ты здесь?» — как бы спросил взгляд одного. «Так вот ты какой!» — сказали глаза другого. Хотя этому второму и доводилось не раз видеть волков, но не так, один на один посреди тундры, а в тайге, на охоте, когда неподатливу Иччи с ружьём. Братья по крови и непримиримые кровные враги. Исходом встречи могла быть только смерть одного из них.

На стороне волка были сила, уверенность, огромный опыт волчьих поединков, наконец, голод, который придавал ему особую свирепость.

За Кустуком — охотничья выучка, требующая тонкости внимания, способности молниеносно ориентироваться и определять все достоинства и недостатки зверя. За ним ещё была Вера. Вера в Иччи.

Глаза собаки и волка налились одинаково лютой ненавистью. Волк прыгнул с грозным рыком, торопясь поскорее разделаться с ничтожным псом и утолить голод свежим мясом с горячей кровью. Кустук увернулся и вцепился волку в живот, но тотчас отскочил, чтобы волк не подмял его под себя. Снова принял выжидающую стойку. И опять волк, выставив огромные клыки, мощно прыгнул вперёд в надежде покончить с собакой. Кустук ещё раз увернулся и хватанул волка за то же самое место. Отскочив в сторону, насторожился — ему нельзя было уступать, нельзя умирать, не дойдя и не увидев Иччи-Охонона! Иччи ждёт его! Кустук должен выстоять и победить, если даже это невозможно. Потому что Иччи пропадёт без него.

Волк всё больше распаялся от злобы, словно бывший хозяин Байбал. Не в силах удержаться, всё грубее и настырнее лез

вперёд. И никак не мог понять, почему у него горит от боли живот, а пёс после каждой атаки стоит перед ним как ни в чём не бывало! Наконец волк схватил было Кустука за шею, но в пасть ему попало что-то твёрдое, отчего захрустели зубы. Того мгновения, на которое оторопел волк, закусивший цепь, оказалось достаточно для Кустука, чтобы намертво стиснуть клыками горло зверя.

После двух дней изнурительного бега раны стали опухать и мерзнуть, движения отдаваться болью. Когда становилось совсем невмоготу, Кустук отдышал, выкапывал из сугробов леммингов и поедал их.

По вершинам холмов, не замеченных ещё снегом, стали попадаться карликовые берёзки и лиственницы.

Кустук с наслаждением вдыхал их едва уловимый и такой родной запах! Однажды вечером увидел огни — огни большого посёлка! Кустук долго стоял, смотрел. Велико было искушение пойти туда, где найдётся тёплый кров... Отлежаться хотя бы, залезть раны. Но в посёлке, должно быть, живут люди, похожие на Байбала. Посадят на цепь, запрягут в упряжку. Значит, посёлок — это неволя, сытная, но ненавистная. Единственный его путь — к далёкой таёжной избушке, где ждёт Иччи, одинокий и несчастный.

Кустук обошёл посёлок стороной. Были слышны звуки моторов, лай пепных собак. С подветренной стороны сильно пахло домашней едой. Кустук едва сдержался, чтоб не повернуть к посёлку. Огни и запах долго преследовали его, но наконец отстали... Как он мог только подумать о том, чтобы свернуть с пути?! До Иччи, должно быть, осталось совсем немного! Начались уже настоящие, хотя и карликовые, перелески. В полдень Кустук увидел далёкие, словно зыбкие миражи, синие горы. До них к наступлению темноты можно было бы добежать, а там ещё два-три перехода — и дома! Но силы были на исходе. Покусанная волком лапа стала совсем тяжёлой, на неё нельзя было ступить. Кустук теперь бежал, сильно прихрамывая. Свет перед его глазами мерк от слабости и боли, а синие горы расплывались в какие-то пятна. Собачьим чутьём Кустук знал: останавливаться нельзя, околеченет. А ему нужно было дойти до Иччи.

Но вскоре он прилёг отдохнуть. Белая тундра впереди уже заканчивалась чёрной полоской тайги. Всё-таки выбрался Кустук из замкнутого белого пространства! В ночном небе больше обычного задрожали звёзды, словно вот-вот все сорвутся с места, с цепи. Может, на его примере у них появилась Вера, которой не было.

В сугробах копошились лемминги. Охотиться на них не было ни сил, ни желания. Чувство голода притупилось. Сладкая истома разливалась по телу. Кустук посмотрел на родную синь и устало закрыл глаза. Было хорошо. Под закрытыми веками виделась деревянная избушка в тайге и старый охотник Иччи-Охонон, с которым они скоро встретятся, чтобы никогда уже не разлучаться.

Вера переполняла слабеющее тело Кустука. И последним его чувством было стремление вперёд, к своему свободному предназначению. Вера не могла замёрзнуть, она улетила, чтобы вселиться в другое тело и вести его к цели — конечной или бесконечной...

Собака многого не знала и не понимала. Может, и лучше не знать того, что разрушает веру? Но зачем надо было знать Кустуку, что самый лучший и добрейший из людей Иччи-Охонон проиграл его в карты? В сердце Кустука жил совсем иной Иччи. И он был не придуман — на самом деле был такой, какого знал Кустук. Просто Кустук не ведал того, что Охонон мог быть и другим, что в мире есть не только безоглядная, бесконечная Вера и Верность, но существует ещё и другая ипостась — предательство всех и вся, ближнего и самого себя...

Стволы осин, дубов заплесневелых
И глина, глина, глина по колено.
Нам показали дядину могилу,
Она была за маленькой деревней,
Едва просохшей после серых ливней.
Над мелкой речкой – глиняный бугор.
Дед помолился, пожевал насвая,
А я глазел на глиняную землю,
Она была, земля, почти такую,
Как наша,
Только мокрой. Я запомнил.
Вокруг стояли жители деревни,
Одна из них казалась мне красивой,
С худыми, но румяными щеками.
И злая, как соседка. Я запомнил.
Мой дед не обращал на них внимания,
Он снял бешмет и, обойдя могилу,
Вонзил лопату в глиняный бугор.
И женщины вдруг обступили деда,
Та, что была с румяными щеками
Сказала. Я запомнил.
– Разве можно...
Здесь восемнадцать человек лежат.
Мой дед уже чуть понимал по-русски,
Он осторожно выгнул лопату,
Рукой погладил рану в чёрной глине
И вытер руку о сухой сапог.
Мы просидели день у тихой речки.
До темноты следили ребятишки.
Дед, плача, пел арабскую молитву,
А я гонял травинкой муравьёв.

Над белыми реками стаи летят...

Над белыми реками
стаи
летят,
как чёрные хлопья
сгоревшего лета,
летят, развеиваясь,
как чёрные ленты,
летят мои утки,
куда захотят.
Озёра солёные, сладкая тина,
чебак африканский,
не горький,
бескостный!..
Мне кажется –
с медленной стаей утиной
покинула родину Птица Спокойствия.
И сизые перья осели на реки,
ушла, я боюсь, что устанет, устанет,
останется там,
где навеки, навеки
я сам бы остался.
Наверно б остался.
...Весною восходят они из-за гор,
лучами тяжёлыми,
первые клинья,
устало вонзая потёртые крылья
в прозрачный и вязкий
воздушный раствор.

Кочевье перед зимой

Когда расцветёт, сверкая,
Звезда Сумбуле,
Косяки кобылиц
Отдадут своё белое молоко,
Тонко – длинные гуси над степью моей
пролетят,
И угрюмо печально
в ночи прокричат
Мои бедные белые гуси.
Это значит – трава постарела
на пастбищах.
Поднимайся, кипчак...
Пусть умрёт у меня на руках, сверкая,
Звезда Сумбуле.

Звезда

Под круглой плоскостью степи
углами дыбятся породы.
Над равнодушием степи
встают взволнованные руды,
как над поклоном –
голова,
как стих,
изломанный углами.
Так в горле горбятся слова
о самом главном.
Далёкое уводит нас.
Всё близкое
кругло, как воздух.

За миллионы лет от
глаз –
углами
голубые звёзды.
Нас от звезды
спасают крыши,
но мы ломаем –
и летим.
Над вдохновенными горами
унылый круг луны
потух.
И молнии
кардиограммой
отменены
уступы туч...
И радуга – не коромысло,
она острее углов любых.
Нас обвиняют в легкомыслии,
а мы –
фанатики в любви!
Мы долетаем!
И встречает –
равнина. Поле. Борозда.
Изломы гор, зигзаги чаек.
Простая круглая звезда.

Русь Врубеля

Край росистых лесов
и глазастых коней,
россыпь рубленых сёл,
городов изваяния,
и брусничные ночи,
и россыпь огней.
Россомашьи размашистые расстояния.
Жизнь – и выдох сквозь зубы,
и радость, и грусть.
Глупость осени. Шубы.
И русое небо.
И морозы.
И странные взгляды Марусь.
И хрустящие хрупкие
щёки хлеба.
Я могу перечислить –
и весь мой рассказ:
Русь – река под обрывом,
и это немало.
Ночь июльская. Ивы.
И месяц раскосый.
Я, как ты, задыхаюсь,
когда обнимаю...

Север

Смотри, памирские седые яки
уходят на Чукотку по горам –
растолковал им,
что такое ягель,
трава из северного серебра.
Они, сутулые, прошли Алтаем,
не торопясь,
к Саянскому хребту,
о, страсть – не суета,
не понимаем,
как далеко мы ищем красоту.
Уйду в прикосновение руки,
кандальником
в неласковую нежность,
ссылает красота в сибирский
Нежинск,
туда,
в серебряные рудники.
Холодный,
благородный мой металл,
в краю морозном ты рождён
мой белый,
я в золотые жары тебя искал,
прохладный мой,
победный.
Сияет матово лицо в углу,
вхожу в него, крича,
как стог в иглу,
нет, эта женщина
не из ребра,
сибирская, она –
из серебра.
Озон серебряный
в бору звенит,
не обжигает кору зенит,
игла сосны,
карагача кора
чуть улыбнётся ты –
из серебра.
В былинах бычьих серебрится ягель,
и запахи его нам ноздри рвут.
Идут по тундре молодые яки
и топчут легендарную траву..

Я в Лувре видел слепого.
Один, никого не спрашивая,
бессловно
глядел он
пустыми глазницами
на Венеру.
Так смотрят на чёрное
негры.
Скрипели!
Скрипели паркеты в залах.
Слепой стоял у громадных рам.
Он чем-то видел...
Рубцами ран?
Лицом?
Довольно гадать: слезами.
Ходил от одной картины
к другой,
словно листал,
шёл тише, тише,
и стал,
и долго стоял слепой
перед пустой нишей.

Это кажется мне...

Андрею Вознесенскому

Это кажется мне –
Махамбет, как стрела,
в китайской стене,
головой – в кирпич,
а штаны с бахромой –
оперенье;
грозный мой Махамбет,
ты давно –
персонаж в оперетте,
я тебе не завидовал,
не позавидуй мне.
Ты не пытайся понять
нашу странную речь,
вылезай
из проклятой стены:
уже сделана брешь,
тебе будет непросто –
жить в царствии прозы
поэзией,
исправляя метафорой мир,
как Европу
Азией.
Только в сравнении
с прошлым
живёт настоящее,
твой угрюмый верблюд
мне напомнил третичного яшура.
Есть бревно баобаба –
и потому существует нить,
нет материи вовсе,
если не с чем её сравнить.
Только в сравнении с малым
велик человек,
только в сравнении
с великим
жив человек.
Разве я не похож
на могучего гомо-антропа?
Лишь в сравнении с Азией
существует Европа.
Андрей! Мы – кочевники,
нас разделяют пространства
культур и эпох,
мы кочуем по разным
маршрутам,
сквозным и реликтовым.
Я хочу испытать
своим знанием
страсти великие,
о которых он, гордый номаде,
и ведать не мог.
Я пишу по-этрасски
о будущем –
ты расшифруй
голоса и значенья
на камне исполненных рун,
невегласам учёным доверь
истолкованный бред,
да мудреют они,
узнавая познания вред.
Я брожу по степям уставая,
как указательный палец –
поправленье пути
укажут железным дрюком.
Это кажется мне –
Аз и Я – Азия,
ошибаюсь.
Мы кочуем навстречу себе,
узнаваясь
в другом.

Он бормочет стихи

Слова – медный блик
человеческого поступка,
Высоту, глубину и цвета извергает язык.
Повторятся в словах и глоток,
И удар,
И улыбка,
Стук копыт через век
И наклон виноградной лозы.
Эту чёрную ночь
Я опять принимаю в сообщницы.
В эту ночь я услышал
неясный луны монолог,
А на красный язык,
Как на свет,
Пробирается ощупью
И полощется в горле
Белого слова клок.
Я сейчас закричу,
Я напёл!
Я хочу его выставить!
Пусть луна продолжает на тенях
Судьбу гадать.
Этот матовый свет,
Будто вспышка далёкого выстрела,
Обнажает лицо,
Опаляя меня на года.
Не нуждаюсь в пощаде глушцов,
Не покорствую мудрым.
Слово бродит в степи,
Чтоб нечаянно встретить меня.
...Он бормочет стихи.
Так молитву читают курды.
На скуластом лице
отсвет медленного огня.

Ночь свершения желаний

Ночь.
Тепло.
На ковриках шепчут старики.
Месяц бровь приподнял,
Словно в удивлении.
Камни на стремнине
Бешеной реки
День и ночь свершают
Обряды омовенья.
Люди аллаху просят
Свершенья ночных молитв,
Немного земного счастья
Вымаливают мусульмане,
В ночь Лейля-ули-кадр
Свет над землёю пролит.
Пыль поредела на тротуарах,
Как борода.
Люди шагают.
Саманные стены мечети молчат.
Дети проходят мимо мечети,
Словно года.
В дряхлой руке минарета –
Гнутая тень меча.
Шёлком чалмы развитой
белеет в траве арык,
Яблони моют корни
В седой воде,
В ночь Лейля-ули-кадр
Я, как старик,
По бетонным коврам площадей
Брожу и шепчу о тебе,
Да свершится моё желанье!

Париж

Париж!..
Три часа от Москвы – не поверишь!
«Каравелла» парит,
словно голая ходит по берегу.
Пальцем трогает море – холодное,
а под волнами –
древний остров,
рыбы плавают вдоль колонн
острые.
Атлантида моя, Париж.
Я увижу себя в Париже,
водолазом пройду по улицам,
где-то амфору подниму,
буду гостем твоим – наилучшим,
хочешь, буду счастливым случаем
или тысячным – потому!
Архитектором добрых знаний,
археологом древних ребусов,
я, любовник, иду на свидание,
не скрывая весёлой ревности.
В Лувре – лучшим твоим художником,
острым вдохом твоим табачным,
в душный полдень – дешёвым дождиком,
я ведь знаю, как это важно.

Иван Тарба (1921-1994)

Родился в 1921 году в селении Беслаху-ба Очамчирского района Абхазской АССР. В тридцатые годы начинал свою журналистскую деятельность в редакции районной газеты «Большевикский путь», затем сотрудничал в редакциях областных газет «Апсны Капш» и «Советская Абхазия», работал инструктором Абхазского

обкома партии. В 1948 году Иван Тарба закончил Сухумский государственный педагогический институт имени М. Горького. Публиковаться начал рано. Первое его стихотворение было напечатано в 1937 году. Ныне стихи, поэмы, романы Тарба широко известны как на его родине, так и в других республиках. На русском языке

изданы его поэтические книги: «С первых дней», «О друзьях-товарищах», «Испытание», «Весенний снег», «Книга песен», «Я встречаю солнце», «Дорога, которой нет конца», «Вершины отзовутся эхом» и другие. В 1981 году в издательстве «Художественная литература» вышел двухтомник избранных произведений писателя. Иван

Тарба успешно работал и в жанре прозы. Его романы «Известное имя», «Солнце встает у нас» популярны и в нашей стране, и за рубежом. В своих произведениях писатель воспевае красоту родного края, дружбу народов, созидательный труд людей; ставит серьезные нравственные вопросы.

«ДЫМОК СТРУИЛСЯ ПЛАВНО ВВЫСЬ...»

В посёлке Агудзере, что в Гулрышском районе Абхазии, соседями Евгения Евтушенко по даче были писатели Карло Каладзе, Нодар Думбадзе, Георгий Гулиа. Но особенно тепло, по-братски он относился к известному абхазскому поэту Ивану Тарба

Евтушенко написал предисловие ко второму изданию романа Тарба «Глаза моей матери» в «Роман-газете» в 1984 году: «Иван Тарба очень много сделал для молодой абхазской литературы, с его ладони в небо поэзии взлетело немало талантливых людей. Как бы ни возносила его судьба и как бы ни ударяла, он всегда возвращался к письменному столу, как к честному пастбищу своих мыслей, своих надежд. В этом сказалась его здоровая горная натура абхаза, привыкшего дышать воздухом, в котором слиты воедино два дыхания — моря и заснеженных вершин. Его поэзию и прозу объединяет глубокая человечность и привязанность всеми корнями к родной почве», — писал Евтушенко о своём друге. А на его трагическую смерть в 1994 году он отреагировал пронзительным стихотворением «На смерть абхазского друга»:

...И заржали в Абхазии кони,
Когда умер он, так одинок,
Суеверно сжимая в ладони
Окровавленный пляжный песок.
И я верую, как в спасенье,
В горсть надежды, зажатой в руке,
И в прощёное воскресенье,
Где все равные во грехе.

...Я часто оставался ночевать в гостеприимном доме Евгения Александровича. Как-то вечером он сказал, что пойдём в гости к Ивану Тарба, посидим в его апацхе у медленного костра, над которым коптят мясо и сыр, поговорим... не о поэзии. Он особо подчеркнул это: не о поэзии.

У нас было хорошее настроение, т.к. накануне Евгений Александрович получил сигнальные экземпляры двухтомника избранных произведений.

С Иваном Тарба я лично не был знаком, знал его только по книгам, в основном по двухтомнику, вышедшему в издательстве «Художественная литература».

«Хороший он человек», — сказал Евтушенко. И мы вышли на улицу.

Но прежде чем отправиться к Тарба, мы почему-то (наверное, «по вине» нашего хорошего настроения) оказались в апацхе Карло Каладзе. Стоя выпили по стакану ароматной «Изабеллы», закусили копчёным мясом. Евгений Александрович прочитал стихотворение «Мы — карликовые берёзы»:

Мы — карликовые берёзы.
Мы крепко сидим,
как занозы,
у вас под ногтями морозы...

— И у меня тоже есть стихотворение о берёзах, — сказал Карло Каладзе, — но мои берёзы не карликовые.

Попрощавшись с хозяином, мы пошли к Тарба. «Он хороший человек, — повторил Евгений Александрович, — он очень хороший человек».

Тарба нас ждал в апацхе за богато накрытым столом. Горел огонь, весело потрескивали поленья, к потолку медленно поднимался дым, обволакивая лунные головки домашнего сыра сулутуни и большие куски мяса на специальных крючках-вешалках.

Когда Евтушенко представил меня, Тарба поинтересовался, где я родился и учился, чем занимаюсь. Я ответил на все интересующие его вопросы, сказал, что окончил сухумскую армянскую школу имени Ованеса Туманяна. Тарба сказал, что будучи председателем правления Союза писателей Абхазии, принимал участие в открытии памятника Ованесу Туманяну во дворе школы. А когда я добавил, что работаю на Абхазвинкомбинате, Евгений Александрович не без гордости сообщил Тарба, что моей просьбе он выступал в актовом зале винзавода, где познакомился с замечательным человеком и дегустатором вин Валерием Авидзба.

За столом завязался интересный разго-

— Хорошо, — сказал Евтушенко, — мне понравилось! Ваня, а сейчас твоя очередь.

Иван Тарба прочитал стихотворение «У костра»:

Душа Сибири, отогрейся,
Небось прозябла за века!
Уже в тайге ложатся рельсы,
Бегущие издалека.
...Машины их уходят в рейсы
Сегодня дальше, чем вчера.
Душа Сибири, грейся, грейся
У молодёжного костра!

Дошла очередь и до самого Евгения Евтушенко:

— Я хочу прочитать нежное, полное любви стихотворение. Оно мне очень нравится.

И Евтушенко начал читать:

Костёр, я помню, во дворе
Мать разводила на заре...

О Боже! Так это же моё стихотворение «Мамин костёр», которое несколько дней назад было опубликовано в газете «Советская Абхазия»! Или я ослышался? Да нет же! Как будто в глубоком сне я слышу:

Дымок струился плавно ввысь,
И... продолжалась наша жизнь.

Евтушенко читал так, как умел читать только он, в каждое слово вкладывая капельку своей крови. Мне казалось, что к концу стихотворения он, обессиленный, рухнет на земляной пол. Я даже, помнится, привстал немного, чтобы поддержать его. Поддержать самого Евтушенко!

— Зачем ты по утрам костёр
Разводишь, мама, с давних пор?
— Чтоб солнцу силу дать, сынок, —
Мне улыбалась сквозь дымок...

...В моей жизни был вот такой замечательный вечер — тёплый, чистый, сопро-
вождающий меня всю жизнь.

вор. Я внимательно слушал, не перебивая. Как и обещал Евтушенко, они говорили не о поэзии. Хорошо помню: он рассказывал о карибском кризисе и роли Анастаса Микояна в его разрешении, о своих встречах с Фиделем Кастро и о многом другом.

Вдруг Евтушенко обратился ко мне: — О поэзии мы говорить не будем. Но обязательно будем читать стихи. Тема — костёр. Давай начнём с тебя.

Я не заставил себя долго упрашивать и начал:

Смотрите, как горят дрова в камне,
От дров сухих нет дыма и в помине.
Вы слышите,
Что говорят дрова, когда горят?
«Мы рождены землёй,
И наша пусть зола достанется земле».
А что же говорят дрова сырые,
Они шипят, как духи злые:
«Чтоб горели мы, сухих нам дайте дров».

Здравствуй, племя молодое!

**Плодотворно работает
Союз писателей Абхазии
с молодыми авторами —
учащимися старших классов
общеобразовательных
школ и студентами
Абхазского государственного
университета**

Так, недавно состоялся первый семинар с участием 50 молодых литераторов из всех регионов республики. Подобные занятия проводятся для выявления юных дарований.

Семинар начался с возложения цветов к памятнику основоположнику абхазской литературы Дмитрию Гулиа. К участникам с приветственным словом

обратился известный поэт, советник президента страны по науке, культуре и образованию Владимир Зантария. Председатель Союза писателей Вахтанг Абхазоу рассказал о деятельности его творческой организации. Затем с чтением своих произведений выступили и сами молодые авторы, которым были вручены грамоты и книги абхазских классиков.

Участники семинара побывали в доме-музее Дмитрия Гулиа. Патриарх абхазской литературы считал работу с молодыми авторами одним из главных направлений своей деятельности. Отлично, что Союз писателей продолжает традицию великого просветителя.

Добавим, что республиканские семинары планируют проводить раз в два года.

Август в месторождении книги

Почти четверть века Национальное книжное издательство «Бичик» Республики Саха (Якутия) возглавляет Август Егоров. И сегодня он с абсолютной ответственностью может сказать: «Наше издательство — лучшее в стране». Согласитесь, весьма серьёзное заявление. Но основания для него — довольно веские. Судите сами. Издательство ежегодно выпускает более 300 наименований книг. Это неплохой показатель не только в российском, но и в мировом масштабе

народа саха Эляй Ботур по пути из Прибайкалья уронил в воду свиток с якутскими письменами, с тех пор письменность и была утеряна. Но в верховьях реки Лены была обнаружена Ленская писаница — рунические письмены на скалах, которые называют в народе Суруктаах Хайа — Гора с письменами.

Бурное развитие и расцвет письменности связаны с зарождением государственности в республике. В 1924 году был создан кооператив по изданию и реализации книг,

Помимо реализации в своих фирменных магазинах в Якутии, компания распространяет книги в бумажном и электронном виде по всей России с помощью крупных интернет-магазинов, а также через сети библиотек. Продукция «Бичика» по праву заслужила высокую оценку не только в республике, но и за её пределами. Об этом свидетельствуют многочисленные премии и престижные награды, присуждённые в разные годы: издательство — неоднократный лауреат Всероссийского национального конкурса «Книга года», конкурса АСКИ «Лучшие книги года» в номинации «Лучшая книга в области гуманитарных наук» за выпуск сборника «Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII — начало XX вв.)», обладатель золотой медали XXVI Лондонской книжной выставки, дипломов Бюро ЮНЕСКО, почётного знака «Лидер отрасли» Всероссийского бизнес-рейтинга и др.

«Бичик» — участник многих международных книжных выставок-ярмарок, в том числе Франкфуртской (Германия), Пекинской (Китай), Болонской (Италия). Этим летом в Москве снова состоялся грандиозный книжный фестиваль «Красная площадь», в котором якутское издательство приняло участие в четвёртый раз. Представив яркие и колоритные национальные проекты, «Бичик» стал лауреатом сразу двух значимых конкурсов — «Лучшие книги года» и «Малая Родина».

Август Егоров возглавил издательство, будучи совсем молодым, он только окончил филфак, год стажировался в республиканской газете (правда, одной из самых крупных по тем временам), а затем перешёл в издательство, где и получил назначение на конкурсной основе. Хотя кто бы тогда позавидовал этому назначению? 1997 год. Времена были непростые, время для предприятия — тяжёлое: издательство находилось на грани банкротства. На долю Егорова выпал период становления экономики нашей страны в новых рыночных реалиях, и когда периоды стабильности сменялись затяжными кризисами, он сумел обеспечить издательству финансовую устойчивость и в разы увеличить материально-техническое обеспечение предприятия.

— Август Васильевич, насколько мне известно, издательство «Бичик» ведёт свой отсчёт с 1926 года, в его послужном списке много славных вех. А с чего все начиналось? — Слово «бичик», «битиг» в древнетюркском и древнемонгольском языках означает «письменность», «книга». Древняя письменность была утеряна, а слово осталось. По преданию, родоначальник

а спустя два года появилось государственное издательство. Оно было универсальным и выпускало детскую, художественную, научно-популярную, общественно-политическую и учебную литературу. В 1992 году издательству был присвоен статус национального, а указом президента РС(Я) В.А. Штырова — имя учёного-лингвиста, составителя первого якутского букваря С.А. Новгородова.

— Как же вы не побоялись возглавить издательство на грани банкротства, взяв на себя просто гигантскую ответственность? Стране тогда было совсем не до книг...

— Это правда. Большинство региональных издательств в 90-е годы оказались на грани закрытия. Выпущенные книги исчислялись уже не сотнями и не десятками, а единицами. Большинство государственных издательств превратились в коммерческие, некоторые были репродуцированы. Чрезвычайная ситуация была и в книжном издательстве нашей республики. Руководство региона предложило нам выработать соответствующую программу книгоиздания, которая содержала бы разработку механизма выхода из кризиса в условиях становления рыночной экономики. И в феврале 1999 года первыми среди организаций СМИ и печати мы успешно защитили республиканскую целевую программу поддержки национального книжного издательства «Бичик» — «Через книгу к духовности в XXI век». Эта программа стала отправной точкой выхода издательства из тупика.

— Какова сейчас государственная поддержка?

— Ежегодно из республиканского бюджета выделяется субсидия для издания социально значимой литературы на языках народов Якутии: якутском, русском, эвенском, эвенкийском и юкагирском. Благодаря государственной поддержке сдерживается рост цен на книги. Если бы они реализовывались по себестоимости, то выпускаемая литература стала бы просто недоступной для большинства жи-

дим Дни литературы, различные встречи, презентации книг, отмечаем юбилеи писателей. Ежегодный тематический план издания социально значимой литературы, выпускаемой за счёт субсидии из республиканского бюджета, тоже результат совместной кропотливой работы с двумя союзами писателей республики. Выпуск многих книг стал возможным благодаря усилиям председателя Союза писателей Якутии, народного поэта Натальи Харлампьевой.

С 2006 года мы реализуем очень интересный проект: выпуск книг в серии «Писатели земли Олонхо». Его руководитель — народный писатель Николай Лугинов, автор исторического романа «По велению Чингисхана». Этот проект стал лауреатом Всероссийского конкурса региональной и краеведческой литературы «Малая Родина», проводимого Федеральным агентством по печати.

— И в конце нашего разговора, конечно, хотелось бы узнать подробнее о новых интересных проектах.

— Эти проекты дадут возможность российским читателям познакомиться с уникальной культурой, историей, экстремальным климатом, жизнью и бытом холодного края, откуда начинается известная своими трескучими морозами русская зима.

Одна из примечательных работ — энциклопедия «Холод», рассказывающая о якутских морозах, о том, как животные реагируют на холод, каково жить в 50-градусную стужу, как строить дома на вечной мерзлоте, как оказать первую помощь при переохлаждении или обморожении, содержащая удивительные факты, фотографии, необычные истории и многое другое. Внимание мирового научного сообщества привлечёт энциклопедия «Мамонты», куда вошли легенды и мифы, интересные сведения о мамонтах и других вымерших животных Ледникового периода, а также феноменальные материалы сенсационных находок останков мамонта, пещерного льва, шерстистого носорога, обнаруженных на севере Сибири. Ведь более 75% всех мировых находок останков мамонтов приходится на северо-восток Азии. Здесь сосредоточен центр по изучению этих древних животных.

Не менее увлекательным будет историко-документальное издание «Снайпер. Выстрел во имя жизни», в котором кратко описывается история появления снайпинга, подвиги знаменитых снайперов Великой Отечественной войны — как известно, немало выходцев из Якутии прославились своей меткостью, отвагой, охотничьей смекалкой. Ещё один интересный проект — книга «Шаман на грани миров» — своеобразный итог многолетнего труда профессора, доктора исторических наук Розалии Бравиной по изучению шаманизма. В книге собраны как научно доказанные факты, так и легенды и мифы. Российскому читателю также будут интересны переводные произведения классиков якутской литературы: «Между нами... смерть» Николая Заболоцкого; «Жизнь на богом забытой земле» Тэки Одулока, увлекательные книги «В объятиях снежного человека» Николая Абыйчанина, «Путь в страну снежного безмолвия» Владислава Авдеева и другие.

Редакция «ОЛГ» от всей души поздравляет Августа Егорова с 50-летием! Здоровья вам и творческих успехов в деле книгоиздания!

телей республики. Господдержка способствует увеличению наименований и разнообразию издаваемой литературы, отвечающей запросам самых разных слоёв населения, в том числе дорогостоящих красочных детских книг. А некоторые категории изданий, например, литература на языках малочисленных народов Севера, литературоведческие и поэтические сборники, могут выпускаться исключительно за счёт государственной поддержки.

Только за последнее время был издан ряд распоряжений президента и правительства Республики Саха (Якутия) по поддержке национального книгоиздания и распространения социально значимой литературы. Начат выпуск уникальной книжной серии «Классики литературы Якутии», состоящей из более 100 томов. По республиканской целевой программе «Культура Якутии» выходит переводная литература.

Федеральное агентство по печати на протяжении ряда лет выделяет целевые финансовые субсидии на печать социально значимой литературы. Тем не менее, на федеральном уровне книгоизданию, в том числе региональному, не уделяется достаточного внимания. Сегодняшние реалии книгоиздания — это не частная, не отраслевая проблема, а отражение состояния всего общества.

— Увы, увы... Но вот ещё вопрос: как у вас налажены отношения с писательскими организациями?

— Как мы любим говорить, без писателей нет издательства, и наоборот. Прово-

Акбар Абдулло (Абдуллоев Алиакбар Шарифович) родился 9 июня 1950 года. По специальности юрист-правовед. Выпускник Ташкентской высшей школы МВД СССР и Академии МВД СССР в г. Москве. Долгие годы работал на руководящих должностях МВД Таджикистана и наряду с этим занимался творческой деятельностью.

Издано шесть сборников стихов на таджикском языке и один — на русском.

«Аура любви» — второй сборник его стихов в переводе на русский язык, в котором нашли своё отражение его личные взгляды на окружающий противоречивый мир.

Акбар Абдулло — член Союза писателей Таджикистана, член конфедерации Союза журналистов стран СНГ.

Акбар АБДУЛЛО

Помню перламутровое море

Мои стихи

Бесприютны мои стихи —
Это боль и восторг строки,
Это лёд и палящий зной —
Образ жизни моей земной.

Это буря на перепутье,
Поиск вечной и спорной сути,
Слёзы мамы, глядящей вслед,
Знамя счастья грядущих лет,

Клад сказания о влюблённых,
В новолуние обручённых.
Это свитки моих надежд
Во спасение от невежд,

Сокровенная моя тайна,
На ристалищах мироздания.
Это юности дерзкой жар,
Это кара и Божий дар:

Бесприютной и вольной птицей
В неурочное время взвиться
В поднебесье из-под стрехи! —
Вот что значат мои стихи.

Осенний лист

Дрожал последний лист на ветке,
Под ветром и дождём дрожал,
И мысли о недолгом веке,
О брэнной жизни выражал.

Сорвался лист последний с ветки
Вслед за осеннею тоской.
Пропал в ночи сырой навеки,
Как я — от подлости людской.

Верность

Есть нежностью проверенная верность,
Но в мире,
Где царят обман и ложь, —
Казалось бы, незыблемую, ценность
И днём с огнём
Сегодня не найдёшь.
Уходят честь с достоинством в соблазны,
Былая гордость горбится, увы.
Святые чувства
С этим не согласны,
И не согласны
Души и умы.
Я верую —
Любовь дана от Бога,
Она стоит на страже у порога!

Мир любви

Мне верится:
Не раньше смерти
На островах небесной тверди,

Испив из звёздного ковша,
Тихонько отойдёт душа
И с аурой любви сольётся, —
С грядущим прошлое совьётся.
Я буду счастлив:
Я влюблён,
Порывом страсти наделён,
И райское испив вино,
Сольёмся мы с тобой в одно,
И даст нам Бог
Тугие крылья,
И мы без всякого усилия
Заветным ангельским путём
В своё бессмертие уйдём,
Где нет гнетущего тумана
И проклятушего обмана,
И где в одно
Слились на звёздах
Огонь, вода, земля и воздух, —
Где я постиг:
Не меж людьми
Простёрлась аура любви,
И не снаружи божьей твари,
И не вовне,
А в каждой паре —
Внимательнее посмотри —
Любовь блистает изнутри!

Вдалеке от тебя

Запало для тебя костерок
Из обломков заблудшей души.
Запало, чтоб согреть тебя смог
В позаброшенной зимней глуши.
Костерок в эту ночь запало
Для тебя, для души, для тепла,
И признаюсь, как нежно люблю.
И сторгят все печали дотла.

Мама

Мама! Ты только что с нами была,
Через мгновение
в вечность ушла.
Двери и окна в нежданной печали
Крылья простёрли и вслед закричали.

Вздригнуло бедное сердце моё,
Вскрикнул я дико и впал
в забытье,
И за чертою погибельно-чёрной,
Жизнь оказалась на краях обречённой.

Порвана, порвана кровная нить,
Стона и крика души не смирить —
Как неизбежная смерть молчалива,
Так и без матеря жизнь несчастлива.

Слёзы подёрнули мир пеленой,
Солнце померкло, нет мамы со мной.
Но и за саваном,

и за кончиной
Мама вызывает:
«Сынок, будь мужчиной!»

Горе потери пригнуло к земле,
Волос мой жёсткий —
в остывшей золе.
Воином став, твоё светлое слово
Я про себя повторяю сурово.

Сколько страданий
и бед позади!
Сколько скитаний!..
Но свет впереди:
Мама, звезда над твоею могилой
Наделена путеводною силой!

Любить

Любовь не может утомить,
Лишь ненависть лишает силы.
Любовь способна исцелить,
Поднять способна из могилы.

И не переставай любить,
Когда никто тебя не любит.
Не вздумай прошлое забыть —
Отступник сам себя погубит.

Но если ты любить устал,
Наверное,
на самом деле
Ты временных утех искал,
Заёмной страсти в грешном теле.

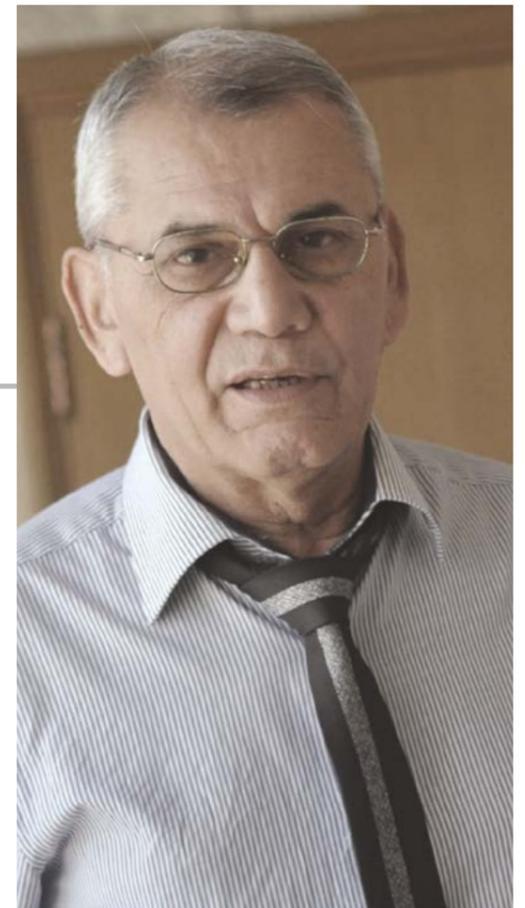
И благодать едва жива,
И счастье робкое бесстрастно,
Пока любовь в свои права
Не вступит смело и всевластно!

Одиночество

Один, как перст,
Я в пустом углу
Слепое сердце
Призвал к ответу —
Любовь смахнул,
Как с чела пчелу:
Ищи-свищи
Дураков по свету!

Один, как перст
Я в пустом углу.
Я боль разлуки
Уже не скрою.
Упав на лёд,
Я тянусь к теплу —
К тому цветку,
Что завял весною.

Один, как перст,
Я в пустом углу,
Под вздохи горестных
Междометий,
Наедине
Разгребаю золу
И черепки
Минувших столетий.

Один, как перст,
Я в пустом углу,
Устал от лжи
И фальшивых званий,
И не взлететь
Моему стилю
В негромком шёпоте
Излияний.

Один, как перст,
Я в пустом углу
Ослеп от слёз
За чертой незримой,
А память жжёт
И поёт хвалу
Тебе, единственной
И родимой.

Один, как перст,
Я в пустом углу
Застыл без шансов
На примирение.
Свинец соскучился
По стволу
И ждёт скорейшего
Применения.

Один, как перст,
Я в пустом углу
Зову отчаянно
На подмогу.
Но голос мой
Сквозь ночную мглу,
Сквозь мрак земли
Не доходит к Богу.

Я буду думать о тебе

Я буду думать о тебе,
Куда б свой путь ты не держала,
Кому бы встреч не обещала —
Наедине или в толпе —
Я буду думать о тебе.

Но если думать перестану,
Моя родная, о тебе —
Оставленную выдаст рану
Мой след кровавый на тропе.

Но помни, милая, всегда:
Я жив, я возвращусь сюда,
Из полуночной выйду тени,
Пред Богом встану на колени.
Что б не стряслось в моей судьбе —
Я буду думать о тебе!

Перевёл с таджикского
Владимир Бояринов

Рукотворная радуга двух берегов

В преддверии Дня города Феодосии в Центральной библиотеке имени Александра Грина состоялась презентация сборника поэзии и прозы Союза русских писателей Восточного Крыма, посвящённого знаковому для Крыма событию — открытию автомобильного движения по Крымскому мосту

15 мая осуществилась мечта столетий: Крым и Россия фактически стали единым целым. Президент Владимир Путин на грузовике «КамАЗ» первым проехал по автомобильной полосе Крымского моста. Резонанс этого события был не только крымским или российским, но и всемирным. Шумной волной он прокатился по мировым СМИ. Красивая и могучая 19-километровая стрела Крымского моста навечно соединила не только берега Крыма и Кубани, но и сердца всех россиян.

Крымский мост, как прыжок из Европы в Азию, задумывался давно, но реально осуществиться эта стройка века смогла только в наше время благодаря огромной, дерзкой в своих планах команде учёных, проектировщиков, государства, крупного бизнеса, большой армии строителей, прорабов, водителей большегрузов, крановщиков и многих других специалистов-мостостроителей. Слава им и низкий поклон! Поэты и прозаики Союза писателей

Восточного Крыма, взволнованные этим великим событием, на пике всеобщей радости поделились своими поэтическими описаниями, былинами, статьями на тему и издали небольшой, но яркий и искренний в своих чувствах сборник «Крымский мост — победа смелых!». Он открывается выдержкой из романа Александра Пушкина «Евгений Онегин»:

... Когда благому просвещенью
Отдвинем более границ,
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет через пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:

Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...

Гениальные строки написаны около двух веков назад. Мы благодарны поэту за веру в Россию и прощаем маленькую неточность в сроках — ведь это взгляд через века!

Вдохновлённые гением, писатели Светлана Литвинова, Вячеслав Ложко, Галина Яковлева, Наталья Ищенко, Инна Сидоренко, Руфина Максимова каждый

по-своему высказались об этом событии. А Алексей Завитаев сочинил целую былинку «Про связь прочную и сильную с Орденом Господним», в которой представил Крым как орден, вручённый Господом России.

Керченская поэтесса Валентина Решетникова подчеркнула значение Крымского моста как творческого единства многих:

Озаренье умов, мастерство чутких рук,
Единение мысли и точных наук,
Рукотворная радуга двух берегов.
Мост для русского Крыма —
основа основ...

К восторженным строкам писателей составителем добавлены виды и описания самых знаменитых мостов мира, среди которых и наш Крымский мост — самый длинный в Европе.

Сборник был тепло принят слушателями, вызвал волну интереса в городе, сообщения о его выпуске прошли по кабельному телевидению, в информационных агентствах.

На презентации книги прозвучали песни феодосийских авторов о Крымском мосте, о России. Велик интерес народа к этой удивительной стройке. А сколько туристов уже промчалось через него — десятки тысяч! Только скажешь «Крымский мост», и улыбки сразу расцветают на лицах крымчан и гостей полуострова.

Вдумаемся, какое это ёмкое слово — мост! Произнося его, мы представляем не только техническое сооружение для пересечения рек и проливов. Мы чувствуем, что это слово говорит о единении людей, народов и стран, слиянии разных культур, проникновении в нашу жизнь добра и красоты, о том, что люди должны «примоститься» ко всему лучшему, что есть в мире, протянув друг другу руки-мосты дружбы и доверия из нашего времени в общее светлое будущее.

Наталья ИЩЕНКО

Запахло осенью.

А я люблю осень чеховскую...

26-29 октября в Ялте пройдёт IX Международный литературный фестиваль «Чеховская осень». Союз писателей Республики Крым приглашает литераторов России и зарубежных стран принять в нём участие

На IV Международном Ливадийском форуме, прошедшем 5 июня, была представлена резолюция от Совета Федерации, где в разделе «Литература» говорится о поддержке нашего Союза писателей, его журнала «Берега Тавриды», фестиваля «Домбровский чтения» в Симферополе и Международного фестиваля «Чеховская осень».

В прошлогоднем фестивале «Чеховская осень» участвовали представители двенадцати регионов России и семи зарубежных стран. Гости побывали на экскурсиях по историческому Крыму и провели ряд литературных встреч, которые планируется продолжить и в

2018 году. Фестиваль получил широкое освещение в российских и зарубежных СМИ.

По словам председателя Союза писателей Донецкой народной республики Фёдора Березина, который освещал фестиваль в ДНР и в украинских СМИ, он буквально дал некоторым участникам путёвку в жизнь.

Отметим, что Гран-при прошлогоднего форума получила как раз молодая поэтесса из Донецка Анна Ревякина. Член международного жюри фестиваля, известный арабский поэт и переводчик Абдулла широко осветил проведение «Чеховской осени-2017» в арабских странах. По итогам фестиваля телеканал «Крым 1» снял документальный фильм, также вышел сборник «Пахнет осенью. А я люблю российскую осень...» с произведениями победителей и участников форума, который был разослан по всем российским регионам, ряду писательских организаций России и зарубежных стран.

Союз писателей Республики Крым приглашает литераторов принять участие в IX Международном литературном фестивале «Чеховская осень».

* * *

Прелестная сероглазая ассистентка режиссёра Ольга с чистым, пронзительным взглядом своих выразительных глаз приехала мне, прибывшему после окончания съёмки в гостиницу, эсэмэску: «Ужин сдвигается на час». Я естественно пишу в ответ, спрашивая: «В какую сторону сдвигается?» Потому что Ольга тем же способом ранее сообщала, когда нас везли в гостиницу, что ужин состоится в 20 часов 30 минут. А сейчас на часах 19 часов 45 минут. «Вправо или влево?» — продолжил я уточнять. — «Позже. Вправо», — с деловой серьёзностью, как будто двигала свой взор по циферблату, ответила Ольга.

* * *

Довольно нервный человек, спускаясь в метро, бежит по эскалатору с самого верха (спиной чувствую, сам нередко бегал), а на пути препятствие: заняв левую сторону, которую обычно не загораживают на спуске, невозмутимо стоит девушка.

— Пройти дайте! — просит бегущий.
Девушка пропускает, но недовольно бросает вслед:

изводство его стало доходить до полного абсурда. Звонит мне мой сокурсник по ГИТИСу Николай Скурт и, с трудом сдерживая ликование, сообщает:

— Меня утвердили на главную роль.
— Молодец, — искренне радуюсь я за своего давнего и очень надёжного друга. — Поздравляю! — и тут же, желая усилить значимость данного события, спрашиваю, полагая, что их довольно-таки много: — А сколько съёмочных дней?

— Один, — безрадостно... нет, скорее, безразлично говорит Николай.

* * *

В деревне Каблуково под Тверью, где снимался телесериал «Лесник», вблизи от нашей киногруппы резко остановился быстро ехавший, подпрыгивавший на своей поношенной «копейке» местный сельский авторитет и, видимо, фанат-киношник.

Стояло лето, было солнечно и жарко. Поэтому стёкла передних окон автомобиля были опущены. Высунувшись наружу, авторитет лет сорока пяти с шальными от быстрой езды по ухабистой деревенской улице глазами, с всклокоченными

мочную площадку, живо представил лимонный сад, клумбу цветов посередине и любовь на ней.

Стало невероятно смешно. Но никто не смеялся. И, похоже, даже не придавал значения ни авторитету, ни тому, что было им сказано.

А сказано здорово: любовь, цветы и лимоны!

* * *

Мой друг, драматург и издатель из подмосковного Климовска Николай Мишин после успешного окончания Литинститута (при советской власти, конечно) какое-то время работал завлитом в Семипалатинском русском драматическом театре. От скуки он завёл там русскую цветную болонку по имени Дуся и, будучи человеком изысканных манер, баловал её со страшной силой, брал с собой почти повсюду. До такой степени, что однажды, держа Дусю на руках, явился в театр, где сразу на служебном входе напоролся на директора, страшно не любившего животных.

— Это что такое?! В храм искусств, в театр он припёрся с собакой Моськой! —

* * *

После года любви и счастья в гражданском браке с милой, очаровательной и очень правильной девушкой у моего 22-летнего сына произошёл с ней разлад — он с вещами вернулся домой. Я обратил внимание, что сын ходит в носках с порванными пятками и указал ему на это.

— У тебя ведь вон среди стиранных вещей лежит много носков в хорошем, целом, без всяких дыр состоянии.

— Ага! — возмутился сын. — Они все на одну ногу!

«Да, — поразившись, подумал я. — Без женщины-управительницы он совершенно беспомощен и никогда не догадается, что носки, которые постираны, нужно собирать и раскладывать по парам».

* * *

В молодости ехал я в соседстве по купе с очень благообразной старушкой в ситцевом халатике с аккуратно повязанной на голове косынкой. Не часто, вероятно, путешествовала она. Однако вида не показывала, что в силу возраста чего-то не догоняет или в чём-то кому-то уступает. Паразила

— Вообще бежать не рекомендуется!
Бегущий, оглянувшись и оценив сварливый нрав стоящей позади особы, кричит удаляясь:

— Таким, как ты, вообще ничего не рекомендуется!

* * *

Новый пациент, прибывший на приём к врачу-пульмонологу, не успев подойти к кабинету, спрашивает вышедшую оттуда с отработанными медкартами дежурную медсестру этажа.

— Можно заходить?
Медсестра, стремительно удаляясь по своим делам и не обращая внимания на пациента, кидает на ходу:

— Там мужчина, раздетый...
— Ну так оденьте! — совсем не нарочито и даже по-начальственному строго командует вновь пришедший и тем самым изрядно внесет больных, давно ожидающих очереди на приём.

* * *

Когда в нашем российском кино заработали по американским лекалам, то про-

путным ветром густыми светло-русскими волосами, тормознул, поднимая пыль клубами, почему-то возле не главного и даже не второстепенного персонажа снимавшегося телесериала, а просто возле Кости — раздатчика и приготовителя чая, кофе, печенья и разных сладостей.

— Эй ты, в кепке! Иди сюда! Чо стоишь? — скомандовал водитель.

Стеснительный, но основательный крепкий Костя, поначалу хоть и растерялся, однако тут же, сняв с головы спасавшую от жары белую бейсболку и положив её на раскладной походный стульчик, стоявший рядом на траве, сделал два шага в сторону «копейки». Водитель же, вопрошая и одновременно поучая, назидательно продолжил:

— Хрена ли вы тут снимаете? Про свою войну всё?! Надо снимать про любовь, цветы и лимоны!

Не задерживаясь более ни секунды, вернув голову в кабину и дав по газам, этот самый сельский авторитет дёрнулся вместе с «копейкой» и лихо помчался дальше.

А я, стоявший здесь же, в кругу актёров, ожидавших вместе со мной выхода на съём-

закричал директор, напугав Дусю, тут же визгливо облаявшую его.

— А вы знаете, — не растерялся тучный от природы и поэтому по-барски выглядывавший Николай, яростно ответил: — что в мире целых десять памятников собакам и ни одного директору театра!

* * *

Легендарный руководитель исключительно активной писательской организации, выдающийся поэт и прозаик Лев Константинович Котюков поделился на днях, на мой взгляд, достаточно интересным замыслом:

— Ко мне как к руководителю, — поведал он об очередном новшестве в веренице общественно значимых своих деяний, — часто обращаются, говоря: «Я человек довольно скромный, но надо бы меня награждать». Я посоветовался с коллегами из правления, и мы пришли к согласию, что надо бы учредить диплом трёх степеней: первой степени — за скромный вклад в литературу, второй степени — за очень скромный вклад в литературу, третьей степени — за мизерный вклад в литературу.

старушка вот чем: на одной из крупных остановок, будучи, очевидно, абсолютно безграмотной (таковые тогда оставались ещё с времён дореволюционных), разминувшись на перроне, она для порядка, как все, купила газету и, вернувшись в купе, деловито развернув чтиво, стала сверлить его глазами. А я обратил внимание на явный неполадок в положении строк.

— Вы газету-то вверх тормашками держите! — указал я.

— А я и так, и так могу, — не растерялась моя необыкновенная попутчица и, ничуть не краснея, поправив очки на кончике носа, продолжала сверлить глазами газетные строчки и рассматривать перевернутые фото.

* * *

Окончив Школу-студию МХАТ, Витя Черпанов пришёл работать актёром в Калининский (ныне Тверской) Театр юного зрителя. А тут военкомат начал донимать: не отслужил в армии, иди служить. Черпанов решил закосить под психа, его в дурдом определили. Но он быстро оттуда вышел и рассказал почему:

— Вот лежишь ты в койке, а привозят очередного психа. Он входит в палату, останавливается посередине, прямо напротив, и минут тридцать стоит, не сводя с тебя глаз. Знаешь, как страшно?! Мурашки по телу бегут!

* * *

В третьей декаде июля нынешнего 2018 года съёмки телесериала «Годунов» проходили в Суздале на территории Спасо-Евфимиева монастыря.

Всё выглядело довольно исторично. Костюмы, реквизит. Актёры свито-бородатые в кафтанах, армяках, свитках, парадных плащах, бекешах, в шапках наподобие колпаков либо в низких с опушкой. Актрисы в сарафанах, понёвах, запонах, поволоках, в платках и кокошниках. Внушительная (и количеством, и качеством) массовка, стрельцов изображавшая, с топорами, кистенями, булавами, пиками, пицалами, саблями, бердышами, кинжалами, ножами. Телеги, клади, вёдра, бочки, лукошки, — вся необходимая утварь конца XVI века находилась на съёмочной площадке у подножия монастырской звонницы в окружении Спасо-Преображенского собора, Успенской трапезной церкви, Архимандритского корпуса... И казалось, что эта неколебимая громада древности глубокой полностью поглотила, вобрала в себя наше присутствие: мы в той средневековой эпохе, мы дышим, мы живём ею.

Ан, нет. Что-то не так!

Я в роли кузнеца, уже в гриме и костюме, обливаясь потом от стоящей жары в 29-30 градусов, ожидаю свою сцену и вижу, наблюдаю, как снимается предыдущая.

Режиссёр «Годунова» Алексей Андрианов с присущим ему мастерством, подкреплённым огромным опытом — недавно выпешедшим в его постановке сериалом «София», успешно показанном на телевидении, — предельно сосредоточен, сидит перед трапезной у плейбэк-монитора и лишь изредка высказывает, бежит для раскадровки к звоннице, на верхнем ярусе которой, на колокольне носится даровитый, знающий своё дело актёр Олег Васильков (как-никак вышло более 110 фильмов с его участием), играющий в данный момент дьяка Битяговского. Он носится, пытается уйти от погони вооружённых стрельцов, воюя и спрашивая, посылая вниз: «Что я здесь ору?! Что ору?!» Помощник режиссёра Тамара Искра быстро отправляет снизу-вверх одну из реплик: «Царёва дьяка убиваете, сволочи!» Васильков подхватывает, повторяет, но по команде «Начали!» кричит совсем другое: «Вы кого убиваете, сволочи! Я царь-дьяк!..» — спотыкаясь, под смех киногоруппы, несёт отсебятину Олег. Раздаётся режиссёрское «Стоп!», производятся уточнения. Но раз за разом всё повторяется снова.

А ведь, казалось бы, при таком антураже, когда и то и сё приведено в соответствие с историческим прошлым, работа должна как по маслу катиться. Но нет, идёт спотыкач. И вдруг я понял, в чём загвоздка, что спотыкач закономерен: в авто, когда мы вместе ехали на съёмочную площадку, Васильков вспоминал и вспоминал ночное посещение караоке-кафе. Что-то сильно там его зацепило и не отпускало.

И вот итог (совет моим коллегам): не ходите в караоке, когда участвуете в историческом кино — ваше состояние не впишется в него (не в караоке, естественно, а в кино).

* * *

Проводили в последний путь бесценного председателя Союза писателей России (24 года был у руля) Валерия Николаевича Ганичева. Провожали, надо сказать, с большими почестями и по высшему разряду.

Мне же в связи с этим вспомнился эпизод начала двухтысячных годов, когда продолжалось острое противостояние писателей-патриотов и писателей либерально-демократического толка. Несмотря на это, и тех и других как-то собирало вместе Международное сообщество писательских союзов.

В конференц-зале Дома Ростовых шло очередное заседание исполкома этой почтенной международной писательской организации. Неожиданно передние двери зала распахнулись и заседающим предстала величественная фигура Валерия Николаевича Ганичева, важно проследовавшего на правах председателя многотысячного Союза писателей России в президиум.

А рядом со мной в задних рядах сидевшая и антагонистично настроенная оргсекретарь Союза российских писателей, поэтесса-демократка Людмила Абаева тут же озвучила это бесподобное появление Валерия Николаевича. Она сказала:

— О-о! Корабль пустыни проплыл!

Я возразил:

— Пусть и пустыни, но корабль!

Ответ на это у Абаевой не нашлось.

* * *

Рижский поэт, бард Владимир Соляр на Международном литературном форуме «Славянская лира-2018» замечательно и довольно мелодично играл на гитаре, пел, читал стихи песенного, скажем так, содержания.

Что, видимо, менее всего устраивало глубокого, самобытного и яркого белорусского поэта, председателя Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» Олега Зайцева. Он, сидя в центре первого ряда в знаменитом концертном зале Дома Москвы в городе Минске, вдруг радостно воскликнул, когда у коллеги что-то заклинило с гитарой:

— Не стреляйте в гитариста! — провозгласил Зайцев. — Он играет, как умеет!

* * *

Читая сайт Николая Дорошенко, я пришёл к выводу, что коллективный «Российский писатель» для самих писателей страшнее атомной бомбы. Враг номер один. Вредитель номер один! Вредитель, страшнее которого просто нет и не может быть никого на этом свете.

* * *

Николай Семёнович Тихонов, знаменитый русский, советский поэт, прозаик и публицист, общественный деятель, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, Международной Ленинской премии «За укрепление мира и дружбы между народами», трёх Сталинских премий первой степени, восторгаясь подвигами советских людей, писал:

Гвозди бы делать из этих людей:

Крепче бы не было в мире гвоздей.

А мы, глядя сегодня на современных политиков, болтунов и хапуг, вынуждены написать:

Дрова бы делать из этих людей:

Ярче бы не было в мире огней.

* * *

Владимир Михайлович Толоконников, хороший друг и товарищ, прекрасный мастер по ремонту квартир, про каких говорю: «Золотые руки!», наладился при разговорах, будь то по телефону, скайпу или вайберу, спрашивать меня как писателя:

— Ну как, пишешь что-нибудь?

Я не выдержав уконтропулил, наконец, этот его вопрос своим встречным:

— А ты как будто читаешь что-то, следишь за литературными новинками?

И ведь прав я: кто сегодня читает что-нибудь?!

* * *

В Ставрополе, участвуя в Международном форуме творческих союзов «Белая акация», писатель-прибалт Владимир Ильяшевич (Эстония, Таллин) продемонстрировал своё равнодушное отношение к коллеге-прибалту, поэту Юрию Кобрину (Литва, Вильнюс) следующим образом: показывая на забытые в фойе гостиницы «Континент» вещи поэта, Владимир сказал:

— А вы берите чемодан Кобрин — он с мыслями!

Пегас в Тобольске

Одно из значимых культурных событий лета, пожалуй, в масштабе не только города и региона, но и России, — фестиваль «Сибирская Ипокрена»

Уже само название вызывало удивление и каламбуры. Однако у загадочного слова грандиозные корни — мифологические, литературные, непосредственно тобольские. Под ударом копыта Пегаса на горе Геликон забил источник Ипокрена, вдохновляющий поэтов и сказителей. «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» — журнал, выходящий в 1789-1791 годах в Тобольске, считается первым журналом, издававшимся в Сибири. Он публиковал публицистику и художественные произведения тобольских авторов, а также перепечатки и переводные статьи из столичных и иностранных изданий. В работе журнала во время ссылки поучаствовал Александр Радищев, здесь же были напечатаны первые известные произведения поэта Николая Смирнова.

Вторая интрига — место действия. Конечно, Тобольск, этот небольшой город с великой историей, за последние сто с лишним лет пережил печальные метаморфозы. Из столицы Сибири он превратился в районный центр Тюменской области. Но, несмотря на всю политическую, экономическую и архитектурную тоску, всё-таки остаётся русским местом силы.

Отцы-основатели фестиваля — издатель и редакторы сайта о книгах и чтении «Горький» Борис Куприянов и Константин Мильчин, а также программный директор Межрегиональной федерации чтения Михаил Фаустов сразу исключили «гастрольный» вариант фестиваля, обозначив, что «Сибирская Ипокрена» — это и тобольский, и сибирский, и общероссийский проект.

В рамках фестиваля состоялось более полусотни различных мероприятий: встречи с писателями и философами, мастер-классы, литературные поединки,

большая детская программа и ярмарка новинок и бестселлеров ведущих издательств. В Тобольск приехали Всеволод Емелин и Дмитрий Данилов, новый лауреат «Национального бестселлера» Алексей Сальников, Дмитрий Глуховский и Шамиль Идиатуллин. Внушительно была представлена Сибирь: Тюмень, Новосибирск, Томск... И конечно, местные участники — благо Тобольску есть кого выставить. Так, заметной фигурой «Ипокрены» стал Аркадий Елфимов — глава благотворительного фонда «Возрождение Тобольска». Получился фестиваль с местным колоритом, но без робкого провинциализма.

«Сибирская Ипокрена» стала возможна благодаря поддержке компании «Сибур». При всей моей дистанции от мира

бизнеса, должен признать, что порой бизнес куда более открыт культурным инициативам, нежели другой влиятельный игрок российской политики — чиновничество. Увы, последние зачастую воспринимают культуру как строку в бюджете, которую достаточно заполнить дежурным содержанием.

«Сибирская Ипокрена» — это не разовое мероприятие, а старт новому открытию города и гостями, и самими тобольяками. Наряду с Тобольским кремлём, музеями, ботаническим садом «Ермаково поле» фестиваль вполне может стать визитной карточкой удивительного и прекрасного города.

Андрей СМЕРНОВ
по материалам газеты «Завтра»

С почином!

В Абхазском государственном издательстве увидел свет первый том избранных произведений члена союзов писателей Абхазии и Армении Артавазда Сарецяна

В книгу вошли стихотворения и рассказы разных лет, несколько глав из автобиографической повести «Слепой дождик» (глава «Без восклицательных знаков, на краю пропасти» посвящена русскому поэту Евгению Евтушенко), а также статьи «Газета "Литературный Амшен"» и «Литературное объединение "Черноморская заря"».

Готов к выпуску второй том «Избранного», в который включены переводы стихотворений более 50 абхазских и русских авторов (Д.Гулиа, Б.Шинкуба, Ш.Цвижба, Е.Евтушенко, Г.Климова, Н.Осьминина, Л.Прашквская-Фелисион, Э.Балашов и других).

В библиографии Артавазда Сарецяна уже есть книги на армянском и русском языках: «Солнечный ветер», «Апацха»,

«Смешанные раздумья», «Без восклицательных знаков, на краю пропасти», «Защитим честь Арарата в Абхазии», «Наказ царя Сардура» и другие.

За заслуги в укреплении армяно-абхазских литературных связей и духовное сближение двух народов писатель награждён высшим орденом Абхазии «Честь и Слава» и медалью министерства диаспоры Армении «Уильям Сароян».

«Пригорок Пушкино горбил Акуловой горою...»

На Акуловой горе в подмосковном Пушкино, на даче-музее В.В. Маяковского прошёл ежегодный семинар руководителей литобъединений, организованный Московской областной организацией Союза писателей России под патронажем Международного сообщества писательских союзов

В подмосковной писательской организации существует традиция проводить выездные семинары. В прошлом году он прошёл в Ступино, а в нынешнем — в скаральном литературном месте, на даче Владимира Маяковского в Пушкино. Именно здесь великий поэт написал «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

Поскольку в городе Пушкино много памятных мест, было решено ограничиться знакомством с дачной стороной города (Ярославская железная дорога разделяет город на две части: восточную — сугубо городскую, и западную — по-прежнему, как и сто лет назад, преимущественно дачную). Экскурсоводом выступил протоиерей храма Святого Великомученика Пантелеимона при Пушкинской центральной районной больнице Андрей Дударев, который известен в Московской области своей подвижнической деятельностью. Именно он воссоздал (по сохранившимся рисункам и фотографиям) дачу Румянцева на Акуловой горе (она была сожжена в 1990-е годы), в которой квартировал Владимир Маяковский, создал музей, а также оформил пространство участка в футуристическом стиле. Нелишне заметить, что злоумышленники, сжёгшие дачу, рассчитывали приватизировать участок и выстроить там коттедж, но отец Андрей и сподвижники не позволили это сделать.

Он собрал нас у памятника Маяковскому на одноимённой улице и рассказал, что на этом месте в сквере с советских времён стоял гипсовый бюст поэта, но он был разрушен. И когда отец Андрей получил направление служить в Пушкино, то как большой любитель поэзии решил восстановить этот бюст, но уже в бронзе. В этом ему помогли авторы памятника: народный художник России Николай Селиванов и его сын, член Союза художников России Василий Селиванов, а также спонсоры — ценители поэзии. В 2012 году скульптура была открыта.

Вторым пунктом программы стал памятник Льву Толстому — в нескольких сотнях метров от памятника Маяковскому. Лев Николаевич не бывал в Пушкино, если не считать эпизода, когда он пешком прошёл по Троице-Сергиевой дороге мимо Пушкино, направляясь на Вознесенскую мануфактуру, она располагалась на территории, которая сейчас находится в границах подмосковного города Красноармейска. Тем не менее улица Льва Толстого в Пушкино есть и она пересекается с улицей Маяковского. Памятник Толстому также был создан радением отца Андрея Дударева, скульпторов Селивановых и местных меценатов — ценителей русской литературы.

«В 2013 году Пушкино стал шестым городом в России, где установили памятник Льву Толстому», — рассказал подмосковным литераторам отец Андрей. Не совсем обычная поза, в которой изображён писатель, напоминает фотографию Толстого во время его болезни в Крыму, в Гаспире.

За спиной у него — символы добра и зла, войны и мира в виде ангела и смерти с костлявой рукой. Это и противоречия в душе Толстого, и война и мир в общечеловеческом масштабе. Также Андрей Дударев рассказал, как в 2013 году местная администрация в лице и.о. главы Пушкинского района Дмитрия Пустого (отправленного уже в отставку) всячески препятствовала открытию памятника, запретив управлению культуры предоставлять звуковую аппаратуру, приглашать творческие кол-

лективы района и др. Несмотря на это на церемонию открытия прибыли известные общественные деятели: писатель Павел Басинский, праправнучка писателя Фёкла Толстая, бывший директор музея В.В. Маяковского Светлана Стрижнева, скульпторы Селивановы, творческая интеллигенция Москвы и Пушкино.

По дороге к Акуловой горе участники семинара посетили ещё один проект Андрея Дударева — памятник «Танк Т-34-76» в Парке Победы на перекрёстке Заводской улицы и Акуловского шоссе, в некогда пустынном месте западной стороны города Пушкино. Совсем недавно здесь стоял полусгоревший дом, в котором собирались пьющие граждане, а теперь — Парк Победы. На небольшом треугольнике уместились все главные атрибуты: танк, скамейки, стильные фонари. Андрей Дударев рассказал, что за танк целое состояние заплатили — несколько миллионов рублей. А во все три памятника (Маяковскому, Толстому, Т-34) с 2009 года было вложено около 50 миллионов рублей, — и ни копейки из них бюджетных денег.

С поисками танка для памятника сразу же возникли трудности: оказалось, что все танки Т-34, которые со времён войны хранились на складах Минобороны, были утилизированы. И Андрей Дударев начал

поиски, опрашивая знакомых. В конце концов, удалось обнаружить в совершенно разных местах два разбитых Т-34, из которых руками пушкинских мастеров собрали (сварили две половинки башни!) полноценный танк. «Это не просто машина, это могила восьми мучеников... — сообщает табличка возле отреставрированной машины. — В этом восстановленном мемориальном танке погибли восемь советских воинов — два разных экипажа».

Немало рядовых граждан приняло участие в том, чтобы памятник открыли в новом парке. «Перед вами пример того, что каждый человек может превратить место, где он живёт, в цветущий сад, — считает отец Андрей и обращается к пушкинцам. — То, что сделали те восемь человек, два экипажа, — это пример индивидуальной ответственности, личного подвига.

Кровь. На танке написано «045». 4 — знак креста, 45 — год окончания войны, 0 образует круг — это символ. В виде креста сделаны дорожки в парке».

Кроме танка, в парке есть и другие знаковые объекты. Якорь передал отцу Андрею один капитан и коллекционер. Он посчитал его очень большим и пожаловался, что его некуда деть. «Это не просто символ флота. Если якорь повернуть, то получится крест», — разъяснил отец Андрей.

Крыло самолёта (а на самом деле — хвост вертолёт, — так по секрету поведал нам Андрей Дударев: крыла самолёта найти не смогли, зато военные дали хвост боевого вертолёт, воевавшего в Афганистане), расположенное с другой стороны от танка, относится к небу. А оно в понимании людей ещё и нечто метафизическое.

Сгорев, они изменили жизнь целого мира, хотя могли думать, что никак не повлияют на ход событий».

Священнику хотелось бы расширить рамки святого и священного. Всё это выходит за пределы внешних форм, считает отец Андрей. Мистическая сила окружает танк, по мнению священника: «Это не просто машина — могила восьми мучеников. Кровь накладывает ответственность. Как и кровь Иисуса Христа, может не только исцелять. Я понял, что нельзя подходить к танку с чёрными мыслями. Перед открытием на меня внезапно напала бессонница. Как я понимаю, самочувствие было связано с излишней эмоциональностью. Танк научил относиться ко всему спокойнее. Первый раз я не спал по дороге за танком в Саратов. Можно предположить, что волновался, но человек изнутри понимает лучше». Для отца Андрея это проявление особой силы, которая окружает живого свидетеля. По его опыту, подобные объекты помогают меняться, а это положительное влияние.

Отец Андрей считает, что сквер не нуждается в охране — его охраняет танк: «Кстати, ничто из того, что я делал, не было тронутым, хотя даже не освящалось, в отличие от этого места». Фонари также сделаны в особом стиле: сверху белые, а основание красное. И это символ: свет и

Даже фотобаннер несёт свой скрытый смысл. Его протяжённость — 70 метров. 70 гильз от снарядов использованы в качестве столбиков ограждения. И это не только отсылка к 70-летию Победы (парк открылся в 2015 г.), но и очередной символ: семерка — вечность и совершенство (семь пар колёс у танка).

Везде символы, жизнь и смерть. «Мы всё постарались сделать символическим, необходимо предлагать загадки, недоговаривать, а смотрящий сам всё додумывает. Это показатель веры в человека», — такова позиция отца Андрея. Самое главное, что хотел передать священник и его помощники — подвиг личности.

* * *

Когда литераторы направились к даче Маяковского, их путь пролегал мимо Поклонного креста, установленного отцом Андреем на склоне Акуловского котлована в память о погибших узниках Дмитровского ГУЛАГа, которые выкопали на месте Акуловской горы этот котлован, когда добывали песок и щебень для строительства канала имени Москвы. Таким образом, от Акуловой горы («Пригорок Пушкино горбил Акуловой горою...») осталась только часть склона, на которой и находится дача Маяковского, а сама гора превратилась в котлован.

При входе на дачу гостей встречает памятник Владимиру Маяковскому. В 2008 году его историю сделал достоянием общности пушкинский краевед, ныне руководитель районного отделения Союза краеведов России, заслуженный работник культуры Василий Панченко:

«Памятник В.В. Маяковскому на Акуловой горе — это работа пушкинского скульптора Игоря Лурье, представленная им на конкурс памятника поэту в Москве. Победителем стал столичный скульптор Александр Кибальников, и Лурье свою работу передал Пушкинскому электромеханическому заводу (бывшее оборонное предприятие, забор которого граничит с Парком Победы, где установлен танк Т-34). Памятник так и стоял на хозяйственном дворе до тех пор, пока краеведы не перенесли его на высокое место возле уцелевшей дачи Василия Вячеславова, которую в 1922-1923 годах снимали Маяковский и Брики. Сестра поэта Людмила Владимировна признавалась, что это лучшее из изваяний, так как портретное сходство потрясающее».

Там, где стоит памятник, когда-то был и другой дачный дом, принадлежавший Сергею и Татьяне Румянцевым. Это место поэт очень точно описал в своём самом известном, пожалуй, стихотворении «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче» и даже указал адрес: «Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева, 27 вёрст по Ярославской жел.дор.». Именно здесь в 1920 году он пригласил Солнце на чай и предложил ему «светить всегда, светить везде, до дней последних донца». Акулова гора настолько полюбилась поэту, что В.В. Маяковский называл Пушкино «лучшим курортом» и вплоть до 1929 года каждое лето неизменно возвращался сюда, снимая дачи у разных хозяев. Дом

г. Пушкино принял сообщение о пожаре на Акуловой горе. Пожарные сработали оперативно и дачу отстояли. Дом восстанавливали всем миром. Центральная пушкинская библиотека даже обратилась ко всем жителям района, детям и взрослым, с призывом о помощи. Под влиянием общественного мнения местные власти повернули лицом к проблеме и городские предприятия. Но довести восстановительные работы до завершения так и не смогли: в ночь с 19 на 20 июля 1997 года случился новый пожар, уничтоживший дом до основания. В расследовании, которое проводили пожарные, вывод звучит однозначно: «Занос источника возгорания по-

внешнее оформление в футуристическом стиле.

Но вернёмся к даче Маяковского. Второй пожар 1997 года уничтожил дачу дотла. С годами оставшийся от дома фундамент зарос травой и слоем мусора. В таком виде остатки дачи простояли более десяти лет. Летом 2009 года коренной пушкинец отец Андрей Дударев пришёл в библиотеку имени Маяковского, где хранились чертежи дачи. С этого времени вместе с единомышленниками (прихожане храма, общественность, предприниматели) он начал восстанавливать дачу. Под кучей мусора был найден фундамент, по архивным документам полностью воссоздан мемориальный дом, убрана и ограждена территория, устроен летний

сти из многих стран мира. Возраст посетителей — от детского до пенсионного. С 2014 года проходят ежегодные мероприятия, посвящённые дням рождения и гибели В.В. Маяковского, литературные встречи и семинары, в том числе с участием сотрудников Музея Маяковского в Москве. Дача стала новым местом проведения известного фотофестиваля «Хмельные столбы».

* * *

Расположившись на пенках-стульях вокруг летней эстрады, литераторы Подмосковья слушали стихи своих собратьев по перу. Эстрада на даче Маяковского стилизована под ещё одну (уже утраченную) достопримечательность Пушкино — Летний театр, построенный на деньги московских дачников в 1894-1896 гг. Летний театр стал колыбелью Московского художественного театра, именно здесь Константин Станиславский разработал концепцию будущего МХТ и проводил первые репетиции-спектакли для дачников. На сцене выступали Фёдор Шалипин, Леонид Собинов, Василий Качалов, Елена Гоголева, Ольга Садовская и другие известные артисты. В 1930-е Летний театр был приспособлен под показ фильмов. После 1991 года он стал бесхозным, а 8 августа 1993-го и вовсе сгорел. Сейчас визуальным напоминанием об этой достопримечательности является только эстрада на даче Маяковского.

Нынешний литературный семинар тоже состоялся на даче. Его работой руководили заместитель председателя правления Московской областной организации Союза писателей России Игорь Витюк и секретари правления: руководитель ЛИТО «Родники» Ступинского района Владимир Леонов, руководитель ЛИТО им. Ф.Шкулёва Ленинского района Алексей Зименков и руководитель Раменского ЛИТО Владимир Зайцев. В качестве экспертов также выступали руководитель

Румянцева, как, впрочем, и почти вся улица, в начале 1930-х годов был перенесён в Новую Деревню (ныне — микрорайон г. Пушкино на северо-восточной стороне) в связи с развернувшимся поблизости строительством канала Москва — Волга (ныне канал им. Москвы). Судьба дач Власовых, Костюхиных и Румянцевых оказалась незавидной. Несколько больше повезло бывшему дачному дому Василия Вячеславова. В советское время в нём жила семья приехавшего на строительство канала инженера Петра Антонова, а 26 июля 1969 года в доме была открыта библиотека-музей. На веранде устраивались литературные чтения с неизменным чаепитием из самовара, а в прилегающем парке у памятника поэту на протяжении ряда лет проводили праздники поэзии В.В. Маяковского. Сюда приезжали известные артисты, писатели, поэты и художники.

Так продолжалось бы и поныне, но 21 июля 1991 года, в 23 часа 34 минуты центральный пульт пожарной охраны

сторонним лицом». Однако и без расследования было ясно, что пожары эти — не случайность. «Дачу два раза поджигали. А уж последний раз, когда подожгли, мы сами её заливали», — рассказала жительница Акуловой горы Мария Варламова. Ещё после первого пожара библиотеку-музей переселили, как тогда говорили, временно на другую сторону Акуловой горы и выделили под культурное учреждение небольшую комнату в двухэтажном жилом доме № 2 по Акуловскому шоссе.

В ближайшее время она переедет по адресу: Акуловское шоссе, 37, неподалёку от Парка Победы и будет называться «Маяковский городской филиал Межпоселенческой библиотеки Пушкинского района». Главным инвестором этого проекта стал предприниматель и местный депутат Сергей Гуржин. Его инициативу поддержал глава Пушкинского района Сергей Грибиноченко. Там же будет располагаться и современный молодёжный центр, который, как и библиотека, имеет

арт-объектов — инсталляций. И в 2014 году дача Маяковского на Акуловой горе вновь распахнула свои двери для многочисленных поклонников таланта русского поэта. В доме нет экспонатов, подлинных вещей времён Маяковского тоже нет, кроме одной из посмертных масок поэта и медного самовара. За ним собирались когда-то компании творческих людей, бывало и по 30 человек дача принимала. Всё помещение выкрашено в белый цвет. В доме на первом этаже отгорожено место, где работал поэт. Здесь стоит токарный станок — напоминание о том, что Маяковский оттачивал строки стихов, как на станке. Есть несколько портретов и современных скульптур, на веранде — плакаты из «Окон РОСТА».

Дача Маяковского стала старым-новым брендом города Пушкино. За какие-то четыре года своего функционирования она превратилась в культурный центр не только Пушкинского района, но и Московской области. Нередки здесь и зарубежные го-

театр с крытой сценой, построена просторная веранда и возведены ряд арт-объектов — инсталляций. И в 2014 году дача Маяковского на Акуловой горе вновь распахнула свои двери для многочисленных поклонников таланта русского поэта. В доме нет экспонатов, подлинных вещей времён Маяковского тоже нет, кроме одной из посмертных масок поэта и медного самовара. За ним собирались когда-то компании творческих людей, бывало и по 30 человек дача принимала. Всё помещение выкрашено в белый цвет. В доме на первом этаже отгорожено место, где работал поэт. Здесь стоит токарный станок — напоминание о том, что Маяковский оттачивал строки стихов, как на станке. Есть несколько портретов и современных скульптур, на веранде — плакаты из «Окон РОСТА».

ЛИТО Шатурского района Лидия Жарова, руководитель ЛИТО «Химки» Владимир Захаров, организатор ЛИТО «Грани» (Шатура) Ирина Леонтьева, руководитель ЛИТО «Крылья» (Жуковский) Татьяна Максименко и её заместитель Ирина Овчаренко, руководитель детско-юношеского ЛИТО «Роднички» (Ступино) Галина Леонова, руководитель ЛИТО «Мастера краткостишней» (Дубна) Игорь Шевченко. Игорь Витюк во вступительном слове передал приветствия подмосковным литераторам от председателя Международного сообщества писательских союзов Ивана Переверзина и председателя правления МОО СП России Льва Котюкова, рассказал о текущей деятельности литературных союзов, анонсировал главные мероприятия, которые планируется провести до конца года, сделав упор на запланированный на 18-19 августа 2-й съезд писателей Подмосковья в Ступино.

Следующий семинар пройдёт через год, в июне 2019 года, в подмосковной Шатуре. Есть желающие поучаствовать?

Более 70 лет назад — 30 января 1945 года — подводная лодка «С-13» затопила один из самых крупных лайнеров фашистской Германии «Вильгельм Густлов». Судно ушло на дно, но до сих пор точно неизвестно, что скрывали его трюмы

...Балтика. Зима победного 1945 года. Окружённые в Померании немцы любым путём стараются вырваться на Запад, в Рейх. Идёт стремительная, даже лихорадочная эвакуация войск, гражданских лиц, вывозится ценное имущество, военная техника, беглецы пытаются забрать с собой как можно больше из награбленного. А путь на Запад остался только один — морем.

Всё, что может держаться на воде и годится для эвакуации, собрано в обширном Гданьском порту и рядом, в бывшей польской Гдыне, которую немцы переименовали в Готтенхафен. Причалы заполнены толпами военных и штатских, идёт торопливая погрузка на суда, которые — из-за угрозы советской авиации — выходят в море только по ночам. Все торопились: 30 января советские танки вышли к Балтике в районе Эльбинга (ныне польский Эльблонг), неожиданным рейдом врасплох захватив этот важный промышленный город.

Атака

Советская подводная лодка типа «С» под командованием капитана третьего ранга Александра Маринеско получила приказ выйти в море и занять боевую позицию у южного побережья Балтики.

Без обычного сопровождения сторожевых катеров лодка вышла из Ханко. На рейде Салса её встретил тральщик «БТЩ-215» и повёл к точке погружения. Вскоре она уже находилась на указанной позиции, и экипаж приступил к выполнению задачи — патрулированию выхода из Данцигского залива.

Начался круглосуточный поиск врага. Днём лодка скрывалась под водой, и в промозглых холодных отсеках матросы надевали на себя всё, что было тёплого, но всё равно было очень зябко. А на поверхности была температура минус 15–20 градусов, лодка не отапливалась, энергию берегли. Люди несли в этой обстановке вахту на боевых постах и, сменившись, валились отдыхать, не раздеваясь.

В отсеках все молчаливы, утомлены и даже угрюмы. Шторм и однообразие жизни действуют угнетающе. Все уже давно обо всём переговорили, а врага всё нет и нет. С 9 января — почти 20 суток — мотаются они по Балтике, ведя поиск в отведённом квадрате — и ни одного вражеского судна! На поверхности одна мелочь, не стоящая торпеды, вдоль побережья снуют лишь мелкие катеришки, буксирчики и мотоботы.

Лишь раз сыграли торпедную атаку, заметив перископ подлодки, удиравшей в сторону Померанской бухты. Но тут, как на зло, в воздухе появились самолёты противника. Пришлось срочно погружаться, отменив атаку. Все только выругались про себя. Опять ничего...

30 января рулевой-сигнальщик Геннадий Зеленцов стоял на вахте, периодически меняясь с Анатолием Виноградовым. Это приходилось делать довольно часто, поскольку мороз градусов под 20, да с ветерком, метелью и шквалами. Море не жалело ледяной водички сигнальщику, да ещё того гляди сапоги к железу примёрзнут, приходилось всю вахту топтаться с ноги на ногу. А на руле, хотя порой и обдавало через люк разбушевавшееся море, но всё же теплее: нет такого пронизывающего ветра, как на мостике.

В центральном отсеке у горизонтальных рулей сидел, скорчившись на разном, боцман, подстраховывавший сигнальщика на случай срочного погружения. Так можно сэкономить несколько секунд, а они могут быть спасительными для лодки и экипажа.

Командир отметил: в бухте как-то подозрительно мелкота зашевелилась, дозорные катера зашныряли вдоль фарватера, хотя погода на море явно не для них. К чему бы это? Может быть, к ночи что-то ценное появится?

Сигнальщики получили приказ ещё внимательнее оглядывать горизонт, не исключено, что и днём что-то произойдёт. Командир решил погрузиться, но время

тратить приятно, но сигнальщику на мостике доставалось — ветер «мордотык»: брызги хлещут в лицо, обжигая острой болью, глаза слезятся.

Вдруг сигнальщик Виноградов крикнул: — Справа двадцать заработал маяк! — и даже протянул руку в ту сторону.

— Внизу! Пригласите штурмана на мостик! — крикнул находившийся в рубке старпом.

Капитан-лейтенант Редкобородов стремительно поднялся наверх.

— Это зажётся маяк Рисгефт, — произнёс он не раздумывая.

— Раз заработал маяк, то тут дело непростое: намечается вход или выход крупных кораблей, — сказал старпом.

И тут же новый доклад сигнальщика:

— Огни прямо по носу!

И верно. Сквозь снежную метель явно видно мелькнуло несколько точек, словно ночные светляки.

— Внизу! Командира просьба наверх! — нагнувшись над люком, крикнул старпом.

ших на мостике подводной лодки были направлены в сторону носовых курсовых углов. Лишь один назадсмотрящий старшина Пихур несмотря ни на что следил за кормой, как и положено. Но за волнами и снежными зарядами ничего не было видно.

Прошли томительные 20 минут, лодка на полной скорости шла к невидимой цели. Но вскоре горизонт слегка прояснился.

— Справа пять, вижу большой корабль, — доложил сигнальщик.

Все на мостике мгновенно повернули головы в ту сторону.

— Не поймёшь, чего они там волокут, док, что ли? — спросил штурман.

— В нашем деле и док немаловажная цель. Главное — утопить, — ответил командир. — Впереди идёт миноносец, а за ним лайнер, — уточнил он, разглядев корабль через мощные линзы ночного бинокля.

Через несколько минут стал уже хорошо виден затемнённый силуэт огромного

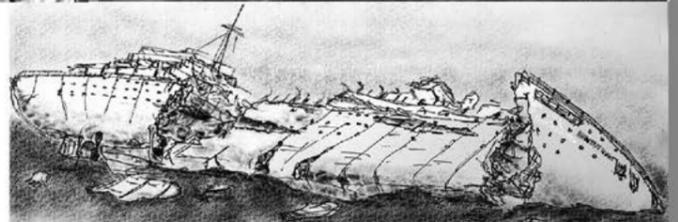
Сорок метров

до тайны

Николай ПЛИСКО

от времени подвсплывать — каждые четверть часа, — а потом сразу нырять на 30 метров.

Так прошло два часа. Пожалуй, следует подойти поближе к берегу, решил командир. Он крикнул:

— Внизу! Штурман, поднимись сюда на пару минут.

В рубку поднялся капитан-лейтенант Редкобородов и встал рядом с командиром, внимательно оглядывавшим берег через перископ.

— Николай Яковлевич, посмотри, пожалуйста, где нам лучше встретить фрицев. Да так, чтобы и манёвр, и глубина были подходящими. Желательно бы поближе к западному входному мысу в Данцигской бухте, где разделение фарватера происходит. Возьми пару пеленгов да спускайся вниз, посмотрим вместе...

И командир спустился в центральный пост и подошёл к штурманскому столу. Следом за ним спустился штурман. Лодка пошла на погружение.

Через пару часов в центральном посту раздалась команда:

— Всплывать!

Затем последовала следующая:

— Продуть среднюю!

Лодка выскочила на поверхность.

Раздался резкий хлопок — заработал правый дизель, за ним левый. Лодка начала набирать ход, в отсеках запахло парами солянки, а в переговорные трубы уже врывались струи свежего воздуха, пахнувшего морем и солью. Тут же зачавкали компрессоры, набивая в огромные баллоны запасы воздуха высокого давления.

Лодка шла хорошо, на руле было рабо-

В одну секунду Маринеско оказался на мостике. Только глянул и сразу подтвердил:

— Идёт конвой, — и тут же раздалась команда: — Боевая тревога!

Взвыли ревуны, инженер-механик Коваленко скомандовал в переговорную трубу:

— Стоп зарядка! Оба дизеля — на ход! — и встал у комингса люка в ожидании очередной команды.

Командир отдавал команды:

— Право руля! Курс 240.

Лодка накренилась и покатила вправо, разворачиваясь в сторону вражеских кораблей. С каждой минутой она неуклонно сближалась с судами фашистов. Их тусклые силуэты и расплывчатые огоньки то мелькали, то исчезали на горизонте.

— Принять балласт, кроме средней! — велел командир.

Лодка, вздрогнув, осела и стала менее заметной, рули стали слушаться лучше. Крутые волны уже не так сбивали её с курса.

— На мостике! Слева сто шестьдесят слышу шум двухвинтового корабля на большом ходу. Очень похоже на крейсер, — передал акустик Иван Шнапцев из своей рубки.

— Право на борт! Продуть балласт. Дизелями самый полный вперёд! — мгновенно отреагировал Маринеско.

— На румбе сто двадцать... Сто тридцать...Сто сорок... Сто пятьдесят — докладывал сигнальщик Геннадий Зеленцов.

— Так держать! — скомандовал Маринеско.

Началась погоня. Бинокли всех стояв-

лайнера, идущего в западном направлении.

И в это время с немецкого эскортного миноносца взвилась ракета, направленная в сторону лодки. Немецкие сигнальщики бдительно несли службу и обнаружили неизвестное судно.

«Заметили, гады, позывные запрашивают, — мелькнуло в головах у стоявших на мостике. — Жаль, что нырнуть придётся. Такой красавец уйдёт!

Немцы настойчиво запрашивали позывные. Через несколько секунд запрос повторили ратьером — мощным сигнальным фонарём. Это была опасная минута. Но сигнальщик с «С-13» мгновенно выполнил команду Маринеско: ответил, передав опознавательные сигналы, которыми обменивались ранее встреченные корабли противника.

Миноносец прибавил ходу и ушёл мористее. «Пронесло!» — облегчённо вздохнули на мостике. Никто не знает, почему так удачно получилось, скорее всего, немцы не разобрали в метели сигнал и решили, что раз отвечает, значит точно не чужой...

— Полный вперёд! Курс двести восемьдесят, — невозмутимо скомандовал Маринеско, словно минуту назад лодке не угрожала смертельная опасность. И тут же склонился к переговорной трубе:

— В центральном! Какая скорость?

— Шестнадцать узлов, — тут же отозвался механик.

— Дать самый полный! — приказал командир.

— Штурман, как пеленг? — снова поинтересовался Маринеско.

— Очень медленно меняется, — доло-

Классика и современность в цифровом формате

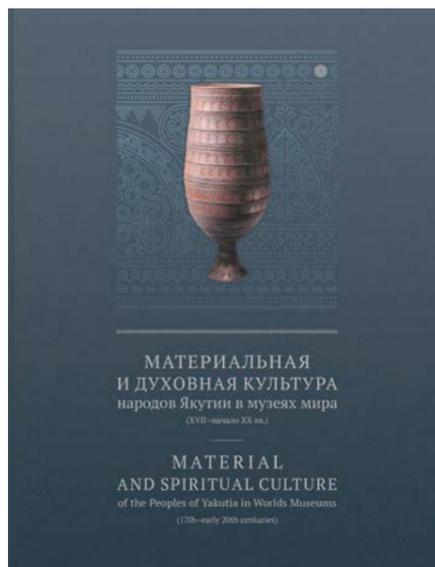
Крупнейший сетевой агрегатор России и стран СНГ «ЛитРес» подписал договор с Национальной издательской компанией «Бичик» им. С.А. Новгородова. Теперь читатели смогут приобрести в мегамаркете электронные книги, начиная от произведений основоположника якутской литературы Алексея Кулаковского, современных писателей и поэтов, молодых талантливых авторов Якутии и заканчивая изданиями по искусству, культуре, краеведению, книгами для детей на якутском, русском и языках народов Севера

Это новый виток развития издательства в деле книгораспространения и значительный рынок вперед в решении актуального вопроса доступности литературы

Якутии в популярном цифровом формате. К тому же этот шаг станет значительным подспорьем в создании и повышении положительного имиджа республики. Благодаря динамично развивающемуся интернет-магазину и онлайн-библиотеке наши писатели и авторы найдут своего читателя в самых разных уголках огромной страны и за её пределами.

В каталоге «ЛитРес» будет представлена интереснейшая галерея книг издательства «Бичик» – свыше 100 наименований, которая будет со временем пополняться. Примечательно, что чтение некоторых из них будет в бесплатном доступе в режиме онлайн. В мегамаркете читатели найдут электронные версии книг основоположников якутской литературы Ексеколях Елексей, Алампа, писателей народов Севера Тэки Одулок, Семёна Курилова, Окат Бэй, Нулгынэт, народных писателей Якутии Суорун Омоллоона, Кюннюк Урастырова, Амма Аччыгыя, Петра Тобурокова, Болот Боотура, Семёна и Софрона Даниловых, Василия Яковлева-Далан, Николая Лугинова, Натальи Харламповой, Семёна Попова-Тумат, Ивана Мигалкина, Андрея Кривошапкина, Семёна Руфова и других.

Представлены произведения широко известных любимых писателей Якутии: Натальи Михалевой-Сайа, Василия Его-

рова-Тумарча, Виктории Габышевой, Владислава Авдеева, Ивана Иннокентьева, Татьяны Находкиной, Галины Нельбисовой, Афанасия Гуринова-Арчылан, Евдокии Иринецовой-Огдо, Виталия Егорова и других. Вошли в подборку и краеведческие, справочные работы Багдарына

Столбэ, Бориса Неустроева-Мандар Уус, Владимира Пестерева.

Также через «ЛитРес» читатели узнают о культуре, быте и традициях народов Якутии, познакомятся с удивительной и величественной красотой природы алмазного края, почерпнут богатую информацию о национальном празднике народа саха и многом другом. Детям будет интересно читать о людях, живущих в согласии с суровым краем, добрым и щедрым к тем, кто его понимает и бережет. Им будут полезны занимательные и познавательные материалы, написанные доступным для восприятия языком. Ну и конечно, они с увлечением окупятся в волшебный и загадочный мир якутских сказок.

Современные электронные средства – литературный сайт, виртуальный книжный магазин, мобильные приложения, мультимедийные издания – способствуют положительному воздействию на читателя, привлекая его к книге и прививая культуру чтения. Приобщение издательства «Бичик» к современным технологиям – это знаковое событие в истории книгоиздания республики, которое внесёт значимый вклад в сохранение и развитие литературы, языков и культуры народов Якутии, популяризацию культуры чтения в целом.

жил штурман, ещё раз прицеливаясь пеленгатором на лайнер. — Прибавить бы ещё скорости.

— Внизу! — крикнул командир, — добавь оборотов!

— Товарищ командир, восемнадцать узлов, — ответил Коваленко. — Клапана подрывает...

— Прижать клапана, форсировать дизеля! — приказал командир. — Игра стоит свеч. Объясни мотористам, что к чему...

И мотористы поняли, для чего это нужно. Пётр Плотников и Василий Прудников уже увеличивали жёсткость пружин предохранителей клапанов. С диким воем на повышенных оборотах вращались воздуходувки. По отсекам гулял ураганный ветер. Дизели жадно заглатывали воздух, пахло горелым маслом, и от моторов поднимался сизоватый дымок соляра.

Расстояние до вражеского каравана неуклонно уменьшалось. Лодка мчалась со скоростью более 19 узлов, в антеннах завывал ветер, леденящие всплески волн обдавали стоявших на мостике людей. Но этого не замечал никто — всем было жарко. Командир даже растегнул ворот кителя. Азарт погони захватил всех.

Идя параллельным немецкому конвою курсом, «С-13» нагоняла лайнер и уже вошла в район малых глубин. Это было опасно. В случае обнаружения противником в море не укрыться. И командир принял решение атаковать немедленно.

Внезапно сигнальщик Анатолий Виноградов обнаружил новые корабли охраны. Это оставшие суда конвоя нагоняли лайнер, а навстречу ему шла эскадра из шести миноносцев с крейсером во главе. Корабли уже были хорошо различимы без бинокля. Ещё несколько минут — и погоня станет невозможна. Но лодка уже обошла лайнер и получила возможность лечь на боевой курс.

Наконец, раздалась команда, которую ждал весь экипаж:

— Стоп, дизеля. Оба электромотора — малый вперёд! Принять балласт кроме средней! Право на борт!

Лодка послушно стала поворачивать, и рулевой докладывал изменение курса.

— На румб десять градусов! — скомандовал Маринеско. И тут же крикнул: — Внизу! Как носовые аппараты?

— Носовые на «товсь»! — ответил мичман Поспелов.

— Добро! — произнёс командир, глядя в силуэт огромного корабля и стараясь поточнее оценить расстояние до него.

Цель наплывала на визирную линейку ночного прицела.

— Есть! — обрадовано крикнул старпом. И тут же раздалась команда:

— Всеми трубами! Пли!

Все в лодке почувствовали резкий толчок, слегка притормозивший её ход.

— Первая вышла! — доложили снизу.

— Вторая!.. Третья... И...

— Четвертая не вышла! — доложили снизу.

— Есть! — отозвался командир, как ни в чём не бывало.

Но все в команде поняли, какая опасность угрожает боевому кораблю. Частично высунувшаяся из аппарата торпед отхода лодки может прийти в боевое состояние. И детонировать от первой же разорвавшейся рядом бомбы.

В отдалении раздался сильный взрыв, затем второй, третий. Огромный лайнер вздрогнул и, накрываясь на левый борт, начал зарываться в бушующие волны. Выждав несколько секунд, чтобы убедиться в окончательном успехе, Маринеско скомандовал:

— Всем вниз! Срочное погружение!

Всё было кончено очень быстро. Как и положено, Маринеско отметил для рапорта точное время: лайнер затонул в 00:10 (время московское) 31 января 1945 года.

Немцы опомнились на удивление быстро. Пока одни суда занимались спасением пассажиров лайнера, другие стали вести поиск дерзкой подводной лодки. Семь больших кораблей-охотников устремились за добычей. Командир развернул лодку и повел её в район, где несколько судов занимались спасением уцелевших.

Лодка то и дело меняла курс, стараясь отвязаться от постоянно преследовавших её сигналов гидролокаторов. Они всё чаще стали проскакивать мимо. По всему чувствовалось, что бомбят уже просто наугад. А лодка маневрируя держала глубину всего в 15 метров, прижимаясь ближе к берегу, к мелководью. Враги не могли даже почувствовать этого и искали русских в местах гораздо больших глубин.

Гигантским транспортным судном, потопленным экипажем «С-13», был «Виль-

гельм Густлов» — один из самых крупных морских лайнеров гитлеровского флота. Спущенный на воду 5 мая 1937 года в Гамбурге, он до начала войны использовался как круизный корабль. Судно было девятипалубным и могло перевозить свыше 1500 отдыхающих и 400 членов команды. В сентябре 1939 года лайнер был переоборудован в плавучий госпиталь на 500 коек, а ещё через год он встал у причала Гдыни, сделавшись плавучей казармой 2-й учебной дивизии подводного плавания Кригсмарине.

Гросс-адмирал Дениц возлагал особые надежды именно на этот корабль: кроме людей огромные трюмы лайнера могли вместить и большое количество культурных и материальных ценностей, подготовленных нацистами к эвакуации.

Выйдя в вечерних сумерках из Гданьского залива, «Вильгельм Густлов», эскортируемый эсминцем и сторожевиком, полным ходом пошёл на запад, в сторону Штеттина. На всех палубах, в каютах, салонах и даже в бассейне сгрудилось свыше 9 тысяч пассажиров: беженцы, дети, раненые, партийные чиновники с семьями, сотрудники гестапо и полиция, курсанты Данцигского училища подводного плавания.

* * *

Сразу же после войны погибшее судно было официально признано польскими властями военным захоронением, и все погружения водолазов на него были запрещены, чтобы «не тревожить прах военнопленных и гражданских лиц».

В середине 1970-х интерес к «Густлову» вспыхнул снова. В газетах польского Поморья одна за другой стали появляться сенсационные статьи, посвящённые событиям января 1945 года. Одна из газет даже высказала предположение, что лайнер принял в один из своих трюмов знаменитую Янтартную комнату.

Молодые аквалангисты из клуба подводников «Рекин» («Акула») при Гданьском политехническом институте решили установить характер помещённого на лайнер груза. Базой специальной экспедиции стало гидрографическое судно «Констелляция». На нём в море вышли 18 членов «Акулы» во главе с инженером Ежи Янчуковичем. Участникам предприятия предстояло проникнуть в судно, лежавшее на глубине около 40 метров в 18 милях к

северу от города-курорта Устка. Чтобы запечатлеть каждый шаг уникальной экспедиции, была сконструирована подводная кинокамера с автоматическим регулятором давления.

К поискам приступили в первых числах августа 1974 года. Ежедневно под воду спускались по две пятерки ныряльщиков. Каждая группа проводила в воде по четыре часа. И в первый же день погружения — неожиданность: в бортах лайнера имеются большие отверстия, и это явно не следы взрыва торпед. Тем более, что судно лежит на левом борту, куда и попали все три торпеды, а вскрыт правый. Вскрыты и находившиеся в надстройке судовые сейфы, причём остались следы не только газовой резки, но были обнаружены и остатки электродов для электро-

резки. Кто же и когда здесь побывал? Водолаз Бронислав Садовый: «В 1956 году организация, занимавшаяся подводными работами, обследовала затонувшие у польского побережья корабли. Нужно было установить, в каком состоянии корпуса судов и нельзя ли их поднять и использовать». Здесь раньше нас кто-то побывал. Большие аккуратные отверстия были проделаны газовыми резаками в районе грузовых трюмов, в корме. Сейфы в надстройке были вскрыты, а рядом с ними валялись остатки электродов».

Власти Гданьска запрещают погружения на затопленный корабль. Но летом в небольшом курортном городке Леба почти каждый день к затопленному судну направляются катера с аквалангистами...

* * *

Так кто же проник на затонувший корабль ещё до 1956 года?

С 1946 по 1954 год водолазы Балтийского флота исследовали практически все корабли, затопленные во время войны у побережий Германии и Польши. По результатам этих работ были составлены обширные, содержащие несколько сот папок, отчёты. Там имеются схемы затонувших кораблей, описания их положения на дне, точные морские карты с указанием глубин, приводится характер груза...

До недавнего времени эти отчёты были засекречены, а сейчас они вполне доступны для исследователей в архивах нашей страны.

Искры не гаснут

Депутаты горсовета города Хилок Забайкальского края утвердили название новой улицы в городе: её назвали в честь члена Союза писателей СССР Николая Яценко

Он родился в городе Хилок задолго до революции — в 1906 году. Один из организаторов и первых членов комсомола в Забайкалье. Работая в дальнейшем в редакции газеты «Забайкальский рабочий», стал профессиональным журналистом и прозаиком. Автор сборников фельетонов «Дорогая уха», «За ушко да на солнышко».

До 1945 года работал в редакциях газет Восточной Сибири и Дальнего Востока: «Набат молодёжи», «Забайкальский рабочий», «Забайкальский крестьянин», «Восточно-Сибирский комсомолец» и других. В годы Великой Отечественной войны был корреспондентом Совинформбюро, затем работал в аппарате Читинского обкома

КПСС, а с 1951 по 1962 годы возглавлял областное книжное издательство.

Яценко — автор повестей, посвящённых героям первой русской революции и Гражданской войны.

В моём рабочем кабинете есть книжный шкаф, который очень дорог мне: друзья прозвали его «забайкальским». В нём стоят книги и журналы участников и руководителей семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока, который проходил в Чите в сентябре 1965 года. Здесь книги Геннадия Машкина, Александра Вампилова, Вячеслава Шугаева, Марка Сергеева, Евгения Куренного, Ростислава Филиппова, Семёна Шуртакова, Ванцетти Чукуева, Владимира Чивилихина, а книги Валентина Распутина занимают отдельную полку.

Особняком стоят книги земляка-прозаика Николая Яценко. Беру в руки диологию «С отцами вместе», состоящую из двух повестей: «Босоногая команда» и «Искры не гаснут». Эта книга о нашем родном с автором небольшом городке — станции Хилок. Автор рассказывает о том, как дети рабочей окраины железно-

дорожного посёлка в годы Гражданской войны всеми силами борются с мятежными чехами, головорезами атамана Семёнова, японскими интервентами, американцами, своими местными буржуями. Они упорно ищут своё место в борьбе. И находят, когда их наставниками, руководителями становятся отцы, старые рабочие, большевики.

За эту диологию Николай Тихонович стал первым лауреатом литературной премии комсомола Забайкальского края.

Яценко сыграл в моей жизни большую роль. Накануне семинара молодых писателей Сибири и Дальнего Востока в Чите я послал Яценко свою новую небольшую повесть о работе железнодорожников. Николай Тихонович, увы, назвал её поверхностной, но приглашение в Читу прислал. А при встрече сказал: «Вот тебе гостевой билет. Поучаствуй в работе секции прозы:

будет тебе хорошая литературная школа!»

Яценко на семинаре я видел часто. То вот он в Окружном Доме офицеров, то на площади имени Ленина, то в здании медицинского института, где занимались семинаристы, а вечером в гостинице, где жили участники семинара и руководители.

Надо сказать, что семинару Владимира Чивилихина здорово повезло: у него по-

мощниками работали Николай Яценко и иркутянин, прозаик Лев Кукуев. Лев Архипович — участник Великой Отечественной войны, автор книг о борьбе с фашизмом, в том числе книги «Живые и мёртвые».

Николай Тихонович читал, высказывал своё мнение о рассказах Валентина Распутина, хвалил их.

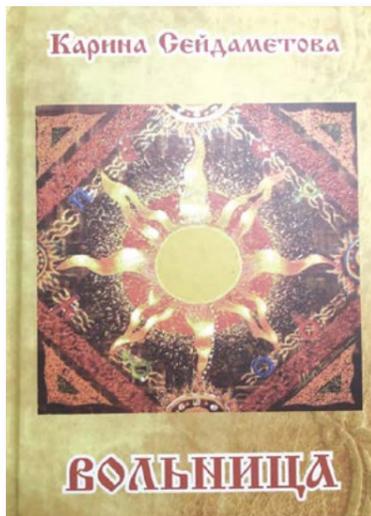
Яценко был награждён орденом «Знак Почёта».

Умер 27 октября 1987 года в Чите.

В Москве вышла новая книга Карины Сейдаметовой «Вольница»

Моё знакомство с Кариной Сейдаметовой состоялось на страницах самарского литературного журнала «Русское эхо». Одна из первых встреч с нею — на Всероссийском поэтическом фестивале «Соколики русской земли» в Новокуйбышевске.

Я давал Карине рекомендацию в Союз писателей России и, наблюдая за успехами поэтессы, лишь укреплялся в том, что был прав: она стала лауреатом Всероссийской поэтической премии имени Юрия Кузнецова,

Международного православного фестиваля «Рождественская звезда», успешно окончила Литературный институт... И вот теперь у меня в руках четвертая по счёту книга Сейдаметовой «Вольница» и первая, вышедшая в Москве.

Даже по названию видно, что Карина Сейдаметова как поэт выросла на Волге — вольной реке — и

остаётся в лучших своих произведениях детищем этой волжской раздольной песенности и глубины.

Песня к рассвету поспела...

Стихи Сейдаметовой — это рассветные песни долгих мучительных поисков во тьме непростой земной жизни. Поиски, которые проходят в столкновениях с болью, разочарованием, но только так человек может обрести истину. Не получить в готовом виде, а выстрадать её в самом себе, когда поэт откровенно говорит о несправедливости, но не позволяет себе извернуться:

...Песня к рассвету поспела
И зорька, как мать, тяжела.
Зоркою яблоней белою
С новой весной расцвела...

Много под яблоней эту
Спето-сговорено слов,
Что нам на жизнь нашу сетовать,
Муку в муку измолот.

Дверь притвори в доме стареньком
И, не гадая, молчи!

...Жизнь потихоньку уставится,
Словно заслонка в печи.

В книге «Вольница» стихи имеют все приметы творческой зрелости чувств — от личного и гражданского до патриотического и материнского. «Вольница» — это книга этапная в поэтическом становлении. Книга зрелая, чувственно выстрадавшая и обзретьная мир не просто лирическим взглядом поэтессы, но взглядом поэта-патриота, хотя это женщина и мать. Поэта, чётко осознающего свою личную ответственность за будущее России.

Приветствия появление на литературном небосклоне России яркой самобытной поэтической зарницы, вправе ждать, что вскоре она пополнит плеяду звёзд русской поэзии.

Материалы полосы подготовил
Эдуард АНАШКИН

А на десерт — литературный ужин

Интересный летний проект появился в Государственном музее истории российской литературы им. В.И. Даля — «Литературный ужин»

В проекте участвуют Дом-музей Б.Л. Пастернака в Переделкине, Дом-музей М.М. Пришвина в Дунине и Дом И.С. Остроухова в Трубниках. Посетив их, можно узнать, чем угощал гостей Пришвин, какое блюдо было любимым у Пастернака, какую кухню предпочитал Маяковский.

«Литературный ужин» — это не обычный поход в музей, а сочетание экскурсии и званого ужина. Гости совершат прогулку, услышат познавательный рассказ о повседневном образе жизни литераторов и гастрономических традициях их эпохи или семьи. Ну а «на десерт» — тематический ужин в уютном дворике музея, где подадут блюда, которые ставили на семейный стол писателя, или угощения, навеянные сюжетами его литературных произведений.

Первым делом в Доме-музее Б.Л. Пастернака состоялся ужин в интерьерах

дачи писателя. Вначале гостям была предложена экскурсия, где они узнали, как юный Боря проводил каникулы в Оболенском и почему дачная встреча со Скрябиным перевернула его жизнь; что способствовало «Второму рождению» в Ирпени и как его музыка превратилась в поэзию; как протекала семейная жизнь Пастернака в Переделкине: что он писал, выращивал и обдумывал на своей последней даче? Затем был обед с любимыми блюдами классика. Подавали канане на ржаном хлебе с хорошей селёдкой, бо-

гатые щи на мясном бульоне, мясо Voeuf bourguignon с молодой картошкой и пряными травами, ягодный кисель со взбитыми сливками.

За этим последовал литературный ужин в деревне Дунино у Пришвина. Гости узнали о любви писателя к Валерии Лебедевой (Лиорко), увидели вещи, которыми он пользовался, попробовали блюда, что он предпочитал, и узнали, как Пришвин однажды вдруг осознал, какую приправу на самом деле любит больше всего на свете. В меню — хрустящие овощи и грибы с зелёным творожным кремом, салат с молодым сыром, персиками, сладкими помидорами и мажарской заправкой, котлеты по-пожарски и рассыпчатая гречка с рублеными яйцами и топлёным маслом.

Третий литературный ужин был посвящён кулинарным пристрастиям Владимира Маяковского. Он состоялся в рамках выставки «Владимир Маяковский. Там и у нас» в доме И.С. Остроухова в Трубниках. Посетители узнали о пристрастиях поэта, о том, какую кухню он предпочитал, что заказывал в ресторанах Берлина, что впечатлило Маяковского в Париже и Америке, где он бывал и с кем встречался за

границей. В меню — грузинские закуски из баклажанов, сладкого перца, зелени и солений, деревенский салат с имеретинским сыром и ореховым соусом, чахохбили из фермерской курицы и спелых помидоров, горячее лобio из красной фасоли, мусс из мацони с мёдом, орехами и виноградным киселём.

Одновременно похожий проект появился в Чебоксарах, где прошёл литературно-кулинарный мастер-класс для детей «Литературный десерт от Льва Толстого».

Известно, что Лев Николаевич после пятидесяти стал вегетарианцем, не ел мясных блюд, а вот сладости очень любил. В мемориальном комплексе писателя, в Ясной Поляне, сохранилась поваренная книга, где Софья Андреевна — жена писателя — записывала рецепты. Всего их 162. Среди них и рецепт кекса с цукатами, по которому в Литературном музее им. К.В. Иванова на мастер-классе шеф-повара Льва Гордеева приготовили любимое угощение Толстого.

В заключение заметим, что роль скоро сразу в двух городах родилась эта замечательная инициатива, то и другим литературным музеям, а также музеям-усадебам великих писателей (таковых много в Подмосковье) можно было бы взять этот опыт на вооружение. Ну, а современным писателям сам бог велел сохранять свои любимые рецепты для будущих поколений.

В годы юности, когда я увлеклась танцевальным спортом, слово *Blackpool* (название танцевального фестиваля — Прим. ред.) звучало заманчивым маяком, воображение рисовало картину великолепия турнира под хрустальными люстрами, на который хотелось попасть, но не было решительно никаких возможностей. И вот, моя мечта сбылась, я прибыла в Блэкпул — танцевальную столицу мира. Правда, не как танцор, но как очеркист, писатель, как литературовед и автор диссертации по русской литературе.

«Всё к лучшему в этом лучшем из миров», — говорил Вольтер устами Кандида. 20 лет назад я вряд ли бы смогла подарить читателю газетный очерк об Англии. Путь литера-

ко, что можно уже было выйти из дома, чтобы умыться морской водой. Но сделал пару десятков шагов в направлении моря, я замерла изумлённая. На волнах покачивались три огромные птицы. Настоящие белые лебеди! В по-весеннему холодном Ирландском море! Они покачивались на волнах, тщательно чистя перышки, видимо, приводя себя в порядок после дальнего перелёта. Солнце всё больше вползло на берег, выхватывая из тени чёрные каменные гроты, груды камней и бурные нагромождения волнорезов. И вот уже золотисто-соломенные лучи упали на трамвайные рельсы, тянущиеся вдоль побережья стальными струнами. Море светлело, словно художник смывал с акварельного пейзажа ультрамариновую краску.

Послышался ровный гул — по стальным струнам катился первый трамвай. Белая гусеничка с забавной, как у дельфина,

Впрочем, географы полагают, что когда-то побережье Ирландского моря было покрыто кочками с длинной жёсткой травой, и с наступлением заморозков в вечерних сумерках казалось, будто из своих норок выглядывают десятки гномов с длинными жёлтыми волосьями... Ну, пусть это будут тролли или хоббиты, если вы — поклонник английского фольклора. Одним словом, земля эта была окутана полчищами назойливо звенящих комаров, населена хоббитами, жабами, змеями и прочей нечистью. Болото, чёрное болото.

Гримпенская трясына с её зацветающими на кочках орхидеями, и редкими видами бабочек вполне могла бы стать метафорой низины Чёрного Болота. Как и место действия для персонажей Артура Конан Дойла, таинственное побережье находится вдали от Лондона, да и вообще от больших городов. Впрочем, Гримпенская трясына —

к другу. Такие столики, примерно по четыре-шесть штук, делают в каждом вагоне, чтобы пассажиры могли перекинуться в партию какой-нибудь настольной игры или просто обсуждать свежие новости за чашкой кофе. Однако у владельца лабрадора не было, видимо, никакого желания к подобному времяпровождению, как и у его спутников, уже вновь засыпавших после раннего подъёма. Лабрадор тоже поначалу пытался вздремнуть, но ему это плохо удавалось, и тогда, периодически стукаясь своей массивной, как у телёнка, головой о столик, он из-под него выполз и, слегка качнувшись в такт поезду, разминала лапы, шагнул вперёд. Тут притормозивший было поезд дёрнул, и лабрадор угодил своим влажным носом аккуратно под мышку спавшей на соседнем кресле девушки, а массивное тело собаки обрушилось ей на бедро. Девушка проснулась,

Белые ночи Чёрного озера

Анна ГАГАНОВА

турного мастерства был долгим, но я всегда буду благодарна моим учителям из Литинститута им А.М. Горького: очеркисту Юрию Апенченко и литературоведу Михаилу Лобанову и Борису Леонову. Что касается танца... Неважно, как изменила жизнь твой профессиональный и социальный статус. Если душа хочет выразить себя на языке тела, если музыка способна воодушевить тебя на подвиги и если от услышанной мелодии можешь рыдать навзрыд, то танец — это то, что всегда будет с тобой, даже если памятью о прежних тренировках служат лишь старые изношенные туфли.

Белые призраки с крыльями лебедей

Глухая белая ночь, накинувшая на побережье Ирландского моря туманный колапс, закончилась. Рассветло настоль-

«мордочкой» почти невесомо летела над рельсами, сменив своего неуклюжего медлительного и звонкого предка. Береговая кромка всё больше заливалась солнечным светом, в светлых пятнах трамвайной насыпи появились кустики мелких сиреневых цветов, похожих на крошечные хризантемы.

Море стряхнуло остатки ночи, отгрыгнув на песок пучки тёмно-зелёных водорослей. Запахло йодом. Белоснежные птицы из страны грёз, уже отнесённые морским течением довольно далеко от берега, почувствовали напор нового дня, прогнавшего ночь. Лебеди замахали крыльями, вытянули шеи и, внезапно поднявшись в воздух, исчезли, словно рассветные призраки, возвращающиеся в мир сумерек, туманов и звёзд.

В голову пришла парадоксальная мысль, что название города могло быть иным — не «Чёрное озеро», а «Лебединое озеро» — и в моём воображении зазвучали аккорды Чайковского и вспыхнула картина из его балета.

место действия «Собаки Баскервилей», находилась в графстве Девоншир на юго-западе Англии, а наш Блэкпул расположен в графстве Ланкашир — на северо-западе. В обоих случаях сказывается и влияние Ирландского моря, и Атлантики.

И словно в подтверждение этой аллюзии, собак в Блэкпуле не меньше чем в Баскервиль-холле. Четвероногих здесь любят, холят, уважают и почитают за полноправных членов семьи. Вообще при знакомстве с Блэкпулом создаётся впечатление, что к питомцам британцы относятся с философским восторгом мизантропа Артура Шопенгауэра и любят собак любых пород больше, чем людей, среди которых ещё поди найди себе близкого по духу.

Собака бывает кусачей только от жизни собачей

Это был утренний поезд, уходящий едва ли не на рассвете из Блэкпула в Ливерпуль. Собаку с трудом впили под столик между креслами, обращёнными друг

вскрикнула от неожиданности. С хозяином лабрадора тоже слетела дрёма. Взяв своего гигантского пса за ошейник, он с трудом оттащил его на прежнее место и кое-как впилил под столик. У девушки на модном платье проявилось мокрое пятно, она вытирала собачьи слюны салфеткой и пыталась улыбнуться. Владелец собаки тоже скривил губы в виноватой улыбке. На этом собачий инцидент был исчерпан. Наверно, если бы в вагоне нашёлся ребёнок, то шума и разговоров было бы больше.

Если в древнем Египте обожествляли кошку, то в Британии следовало бы обожествить собаку. Отношение к собаке как к обязательному члену семьи подмечено не только Джеромом К. Джеромом в повести «Трое в лодке, не считая собаки», но и нашими современниками. Трепетное отношение к четвероногому созданию на поводке возведено в культ, это надоумило администрацию железнодорожных вокзалов устанавливать на перроне специальные металлические квадраты с углублением

в виде миски, красноречиво окружённой отпечатками собачьих лап, выведенных яркой краской. Табличка над этой миской гласит, что здесь можно напоить вашу собаку, изнемогающую от жары.

Гуляя по городу, возле больших торговых центров или банков вы увидите железные скобы, вбитые в стену, рядом с которыми будет изображён силуэт собаки с забавным уточнением dog parking — «парковка собаки», а на соседней табличке будет подробно показано, как питомца можно «припарковать», пока владелец занят делами в помещениях, где существует строгий дресс-код, и «вход с собаками не приветствуется».

Спрос рождает предложение

Популярность паба «Маленький чёрный мопс» резко возрастает в те дни, когда проходят какие-нибудь международные соревнования, например, по футболу, с участием британских клубов. Болельщики огромной толпой собираются возле паба, на входе их встречают люди в форме, осматривая сумки по всем правилам борьбы с терроризмом.

Рядом с пабом «Маленький чёрный мопс» — церковь с шатровым куполом и готическими узкими окнами. На ней надпись: «Здание продаётся». Паства не окупает расходов на содержание красивого памятника архитектуры. На пабе, отделённом от церкви лёгким прозрачным заборчиком, тоже надпись: «Прямая трансляция матча "Челси" — "Манчестер Юнайтед"». Указана дата, сколько билетов уже продано и сколько в резерве. Паб процветает.

Внутри церкви прохладно и тихо. Сквозь круглое оконце на фронтоне, собранное из стеклянной мозаики, сочится рассеянный свет. В узких проёмах то вспыхивают, то гаснут в зависимости от падающего снаружи солнечного света библейские персонажи, собранные из пёстрой смальты. Возле статуи распятого Христа — огромный букет белых роз. Для свечей установлены специальные металлические подсвечники. Любой человек, зашедший в церковь, может сам взять из ящика плоскую свечку и бросить в латунный ящичек монетку. Никто не контролирует этот процесс. Священники убеждены, что никому не придёт в голову зажечь свечу бесплатно. Горки горящих свечей с дрожанием пламенем создают иллюзию параллельного мира. Но желающих окунуться в это «религиозное зазеркалье» не так много, как спортивных болельщиков, рвущихся в виртуальную реальность футбола посредством паба «Маленький чёрный мопс».

Когда российскому олигарху Роману Абрамовичу отказали в визе, болельщики английского клуба «Челси», которым он владел, не на шутку перепугались, не говоря уж о самих спортсменах, для которых олигарх собирался выстроить новый стадион. Британские газеты пестрили портретом небритого Абрамовича и заметками в отношении отказа ему в визе, по соседству с этими публикациями размещали статьи, посвящённые подготовке Великобритании ко дню рождения королевы Елизаветы с цветным портретом царствующей особы. Тут же были и репортажи о недавно прошедшей церемонии венчания принца Гарри с американской актрисой Меган Маркл в Виндзорском замке. Предприимчивые представители туристической индустрии из всех этих фактов немедленно попытались выжать звонкую монету, предлагая в путеводителях эксклюзивные маршруты: «По следам русской мафии. Абрамович в Лондоне», и «Любовь королей». В сувенирных лавках, держателями которых являются преимущественно индусы, обосновавшиеся на острове ещё во время «Большой игры» за Центральную Азию, упомянутой Редьярдом Киплингем, можно отовариться кружкой, бейсболкой или брелоком с изображением новобрачных. Что касается самой королевы, то её царственный анфас, украшенный шляпкой и неизменным колье из морского жемчуга, растиражирован на фарфоре и фаянсе всевозможного размера и формы.

О вкусной и здоровой пище

Национальные вкусовые привычки поражают своим однообразием. Можно лишь удивляться как англичанам не надоедает изо дня в день завтракать хрестоматийно известной овсянкой, вошедшей даже в ряд анекдотов про Шерлока Холмса. Удивительно, как не набьют оскомину все эти тосты с сыром и джемом, и тут даже изысканность манер не спасает от ощущения рутины, когда, следуя этикету, вы, откусывая кусочек печенья, заново мажете оставшуюся его крошечную часть маслом и джемом. Англичане даже не додумались до такого стандартного блюда на завтрак, бесмясного сатириками именно за его бесконечную повторяемость, как яйца с ветчиной или яичница с беконом. Английский завтрак — это бесконечное повторение изо дня в день одних и тех же компонентов: тосты с сыром и джемом, овсянка, чай с молоком. Просто удивительно, что им не приходит в голову добавить к этому скудному набору хотя бы шоколадный круассан или яблочный пай, йогурт или сметану, пару сосисок, яичницу, фрукты. Совершенно непонятно, как при бесконечно повторяющемся «овсянка, сыр», при тоскливой рутине, начинающейся с раннего утра, этим странным британцам удаётся оставаться бодрыми, здоровыми, доброжелательными и жизнерадостными.

Сами англичане толком не знают, как готовить блюдо, считающееся их национальной гордостью, — пудинг. Сколько мы ни ходили по местным кафе, сколько ни приглядывались к продуктовым магазинчикам, но нам так и не удалось попробовать его в Блэкуэле. Расспрашивая о нём, мы получали ответы, противоречащие один другому. Одни называли пудингом сладкий желеобразный десерт в форме кекса, другие — открытые пирожки, в которые следовало вкладывать паштет из гусиной печени или телячью ветчину! Согласно одному рецепту, пудинг представлял собой кекс, изготавливаемый из подсушенного старого хлеба в особой печи — нечто вроде классической шарлотки. Согласно другому, пудинг — это творожный десерт, для которого не требовалось чудо-духовки, но зато абсолютно необходима была целая фермерская молочная линейка: творог, масло, сливки. Единственное, что объединяло абсолютно все рецепты, это изюм.

Одна пожилая британка, признаваясь, что сама рождественский пудинг никогда не печёт, а покупает готовым в магазине, рассказала, как её прабабушка пекла пудинг из остатков овсяной каши, которую не могли осилить члены многочисленного семейства. А чтобы капризные детишки лучше ели этот шедевр сельской кулинарии, она пихала в блюдо всё, что подворачивалось под руку: ягоды малины и вишни, грецкие орехи, изюм, корицу, какао, ваниль, варенье. Получалось здорово — никаких пищевых отходов, все сыты и довольны. Но такой ответ не удовлетворил нас, хотя и позабавил.

Наткнувшись на рецепт от поэта Роберта Бёрнса, мы совершенно опешили: никаким сладким десертом тут и не пахло!

В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, —
Могучий Хаггис, полный жира
И требухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.

Дородный, плотный, кругобокый,
Ты высишься, как холм далёкий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!

С полей вернувшись, землеробы,
Сойдись вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.

Загадочное национальное блюдо стало для нас символом знакомства с Англией.

Продолжение следует

Нет в мире разных душ и времени в нём нет

Ещё в прошлом году между Академией российской литературы и Библиотекой им. И.А. Бунина установилось творческое сотрудничество. А началось всё с того, что руководство библиотеки любезно предоставило «академиком» уютный Бунинский зал, которым заведует сердечной души человек — Татьяна Богоявленская.

С того времени Бунинский зал стал местом проведения творческих встреч, общих собраний и других литературно-художественных мероприятий, которые проводит академия.

Сюда, в Бунинский зал, члены академии несут в дар свои книги, в фонды библиотеки редакционный совет презентует архивные и свежие номера популярного журнала «Московский Парнас». Читателям будет любопытно познакомиться с периодическими литературными изданиями российских отделений академии — из Тулы, Геленджика, Бийска и других регионов.

На недавно прошедшей рабочей встрече с руководством библиотеки академия представила примерный перечень литературных мероприятий и не без интереса выслушала предложение по публикации на базе редакционно-издательского отдела библиотеки. Итогом встречи стали достигнутые договорённости о сотрудничестве и расширении совместной деятельности.

ОЛГ

Разоблачая ложь

Как экономист и историк одновременно, автор книги «Осторожно: массированные фальсификации!» Салават Асфатуллин десять лет назад пришёл к собственному открытию: «Развёртываемая фальсификация истории России и её народов имеет экономическую подоснову

может понадобиться не один раз. Помимо моральных и военных аспектов, такая борьба имеет и экономический смысл: человек, дорожающий подвигами предков, никогда не распродаст за бесценок свою землю и её содержимое. Борьба с фальсификаторами может иметь разнообразные способы и формы. Например, в виде острых статей-опровержений, как в этой книге.

Книга весьма актуальна, а выводы автора долгосрочны для истории России. Плюс ко всему, писатель освоил новейшие интернет-технологии удалённого выпуска книг и поэтому смог издать этот архивный историко-публицистический труд. И не только в привычном бумажном виде, но и в электронном варианте, разместив его в двух крупнейших российских онлайн-магазинах, откуда они затем попали на десятки других сайтов.

Труд посвящён разоблачению и опровержению статей и книг полутора десятков фальсификаторов двух Отечественных войн из Москвы, Уфы, Самары, Калуги и Чикаго. Чувствуется, автор предварительно досконально изучил события и историографию войн, вжил в те эпохи и поэтому может теперь так ясно излагать события 200 и 70-летней давности. Параллельно опровержениям, в труде раскрывается героизм наших предков в переломных сражениях. Книга весьма убедительна, в ней сотни ссылок на документы и предшествующие труды надёжных историков.

Попутно Салават Газимович убедительно доказывает, что между православными русскими, башкирами-мусульманами и калмыками-буддистами уже 200 лет назад ярко проявилось братство по оружию — высшая стадия мирного сосуществования разных народов с разной религией в одной стране. И что надо беречь это уникальное достижение российской цивилизации.

Эта книга стала одним из первых трудов-опровержений фальсификаторов истории в стране и заслужила высокую оценку Российского военно-исторического общества: «Научный отдел РВИО ознакомился с текстом книги "Осторожно: массированные фальсификации!" и планирует использовать данное издание в своей методической и учебно-воспитательной работе».

В.А. БОЕВ

Если абориген не ценит своего отечественного, то легко можно по дешёвке купить все его ресурсы, что мы и наблюдали во время приватизации СССР. А если ценит, то нанимаются «спецы», чтобы перестал ценить. И начинают с истории — духовной опоры народа в трудные годы перемен. Такие «спецы» появились, к сожалению, и в России. Особо стараются очернить героизм наших дедов и прадедов в двух Отечественных войнах.

Борьба же с фальсификаторами отечественной истории позволяет сохранить в чистоте духовный стержень народа и его готовность отражать натиски врагов и конкурентов. Нужно срочно восстановить ратное сознание народа, которое в нынешних внешнеполитических условиях

«Одной ногой я живу на Аляске, другой — в России»

Чтобы понять это состояние души Вика Фишера — бывшего организатора и директора Института социальных и экономических исследований Университета Аляски, надо иметь некоторое представление о его жизни, столь уникальной и значимой в аспекте отношений между Советским Союзом, Америкой и Германией, начиная с 1930-х годов

Вик Фишер родился в Германии в 1924 году в семье известного американского журналиста и писателя Луи Фишера. Мать Берга Марк, родившаяся в Литве, считала себя русской. Выпускница Петербургской консерватории, пианистка, изучавшая языки в университете в Лозанне, работавшая в советском железнодорожном представительстве в Берлине, она после рождения сыновей переехала в Москву, работала переводчицей на Генуэзской и Гаагской конференциях, на переговорах с западными государствами. Она считала СССР своей родиной, а её «американские» дети получили двойное гражданство, вступили в пионеры, участвовали в коммунистических субботниках. Витя Фишер учился в одном классе со Светланой Бухариной, жил на Арбате, лето проводил в Переделкино, где и познакомился с семьями известных писателей: К.Федина, И.Сельвинского. Б.Пастернака... Однако по причине уже начавшихся сталинских репрессий Фишеру пришлось покинуть СССР. «Это было в 1939 году. Мы приехали в Нью-Йорк. Началась другая, новая жизнь. Война, служба в американской армии, потом учёба, работа. Но мы всегда в семье продолжали говорить на русском языке. Я и сейчас считаю, что я русский», — вспоминает Вик Фишер. Его личная история и история семьи и штата Аляска — сегодня в автобиографической книге *To Russia with Love...*

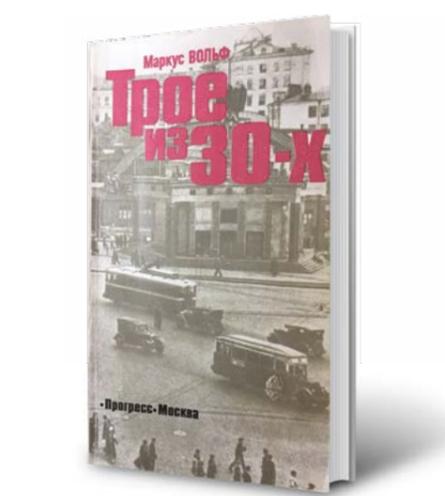
— *Может, в том числе из-за то-ски по России вы выбрали Аляску — как нечто связующее вас с детством?*

— Да, наверное, чувство восхищения покорителями Ледовитого океана — члюскинцами, свидетелем встречи которых в Москве я был, и беспересадочным межконтинентальным перелётом Чкалова, осталось на всю жизнь. Нам с друзьями тоже хотелось организовать экспедиции в Сибирь. Арктика представлялась нам романтической и загадочной. Но мне хотелось больше состояться самому. Поэтому я и решил улететь как можно дальше, на север, на Аляску и реализоваться.

— *И когда же это случилось?*

— В 1950 году. Тогда здесь ничего, кроме развитой военной промышленности, не было. Так, по моему мнению, во многом Аляска 50-х напомнила мне позже Чукотку 90-х. Однако благодаря местному самоуправлению территория севера Америки быстро развивалась. Например, английская компания «Бритиш Петролиум» пришла на Аляску со своим капиталом, и началось развитие нефтяной промышленности, что сделало нас одним из самых богатых штатов. Кстати, коренное население от этого только выиграло: за использование недр их древней земли нефтяные компании через Ассоциацию коренных народов Аляски ежегодно выплачивают каждому эскимосу, индейцу или алеуту завидные суммы. Кроме того, Вашингтон финансово поддерживал интересы аляскинцев в совместных международных проектах.

— *Вы имели в виду совместные проекты с Россией, правильно я понимаю?*

— Да, именно аляскинские инициативы. Во времена, когда холодная война немножко «потеплела», я работал директором Института социальных и экономических исследований Университета Аляски в Анкоридже и занимался проблемами Арктики, которые так же актуальны и для России, по-прежнему живущей в моих воспоминаниях. Тогда, ещё в начале 70-х, я решил наладить связи с Академией наук СССР, написав 20 писем со своими предложениями в различные её институты. Получил ответы. И началась переписка, обмен научной литературой и встречи.

В 1974 году я посетил Союз и побывал во многих институтах Москвы и Сибири. При обоюдном стремлении к сотрудничеству был хорошо налажен межправительственный обмен профессорами. И в 1975-м мы с группой профессионалов проехали по всему российскому северу — от Мурманска до Якутска. Американских специалистов интересовало изучение российского опыта освоения Арктики и развитие в этих условиях газонефтяных месторождений. Потом холодная война опять «охладила» наш пыл.

После перестройки, будучи директором по связям с СССР здесь же, в Университете Аляски, я проехал по всему Дальнему Востоку и Сибири, подписав договоры с Сибирским и Дальневосточным отделениями АН СССР по совместным научно-практическим исследованиям, обменам преподавателями и студентами. Под эти программы наш университет получил гранты федерального правительства Америки. Да, отдельно был выделен проект по развитию газонефтяного комплекса на Сахалине, где сегодня ещё работают и аляскинские компании.

— *Я знаю, что Институт социальных и экономических исследований Аляски организован давно. Какими проектами занимались вы?*

— Я был его организатором и первым директором в 1960-70-х гг. Потом ушёл в отставку и вернулся в 1995-м.

— *А какое направление научной деятельности у вас было?*

— Государственное самоопределение национальностей Аляски. Занимался вопросами государственного управления штата, был тесно связан с Российской академией наук, с Дальневосточным от-

— *И всё же очевидно, что такую деятельность вряд ли удалось бы развить другому американцу. Думаю, секрет вашего успеха в том, что с русскими вы говорили на их родном языке. Или в чём-то другом?*

— Во всём этом и ещё в другом. Открою секрет: я просто был первым, кто пришёл со своими идеями к правительству, обосновал их и получил одобрение. Поэтому и жизнь моя проходила на двух континентах. В России я бывал уже десятки раз. Полюбил Чукотку!

— *Она вам стала ближе и роднее, когда там был Роман Абрамович?*

— В том смысле, что тогда у нас был интерес общий — помочь людям не только выжить, но и заложить основу расцвета этой территории России. Команда Абрамовича состояла из очень прогрессивных людей с новыми подходами к решению региональных проблем — такого не было в других районах России. Он лично решил, что изменит жизнь на Чукотке. Помогал тем, кто хотел уехать, привозил новых специалистов, обновил кадры...

А мы, аляскинцы, всегда думали о нашем ближайшем соседе, с которым нас многое объединяло: климатические условия, родственные связи, традиционные способы охоты и рыбалки... Какие-то слухи о жизни на другом берегу доходили до нас в те старые и недобрые времена через местных жителей. Но очень хотелось побывать в том краю.

— *Мечты сбылись в ещё 1988 году?*

— И мы думали, что уж теперь-то нас ничто не сможет разлучить. Ведь даже по подписанному межправительственному постановлению Россия и Америка открыли безвизовый обмен между семьями прибрежных сёл. Это работает и сейчас, когда идут серьёзные геополитические разногласия наших правительств.

— *А как вы думаете, почему отношения между нашими странами охладели?*

— Мир изменился. В сфере естественных наук связи существуют. У учёных есть совместные интересы. Точнее, остались. Космос, опять же Арктика. Но восторг прошёл с обеих сторон, к сожалению! Таких людей, которые бы продолжали поддерживать связи, нет. Это были уникальные отношения. У меня осталась ностальгия по тем временам...

— *Я слышала, что вам вернули российское гражданство. Расскажите об этом.*

— Это было в 1994 году. Разговор о гражданстве возник у меня с академиком Гранбергом, известным экономистом, моим другом. Он был советником президента Ельцина по экономическим вопросам, работал в Кремле. И Гранберг посодействовал тому, чтоб мне дали российское гражданство. Я уже говорил вам, что с родителями уехал из России в 1939 году...

— *А вы помните это время?*

— Конечно! Хорошо помню. Об этом нужно книгу написать!

Спустя годы я вернулся в Россию осознанно, душой вернулся. По сути и по душе я — русский американец. Россия — моя вторая родина. После Анкориджа Москва — мой город. Когда я тут, я дома!

делением РАН до 2000 года. Последние 10 лет был директором проекта «Аляска — Чукотка», у нас было много разных проектов: поддерживали связи аляскинских китобоев с охотниками Чукотки, развивали региональные экономические аспекты, занимались развитием туризма...

— *Насколько мне известно, одной из ваших идей было открытие учебных центров по подготовке бизнесменов в городах Дальнего Востока.*

— Да, специалисты нашего университета создали совместные российско-американские центры по всему Дальневосточному региону, где более 60 тысяч человек прошли обучение, получив сертификаты менеджеров малого бизнеса по американской программе его ведения.

— *Слушая вас, Вик, я всё больше убеждаюсь, что всего этого могло бы и не быть за относительно небольшой период тёплых отношений России с Америкой, если бы не профессор Фишер с его русской душой.*

— Знаете, я не люблю комплиментов, я слишком скромный человек. Уверен, что связи были бы и без меня. Я просто никогда не расставался с Россией, со своими друзьями, с которыми я встретился в 1964 году после 25 лет разлуки! Когда я прилетел в Москву как участник международной конференции по планировке городов, первым делом бросился искать старых товарищей. И все эти годы у меня был и есть «мой» дом в Москве — квартира Цици Сельвинской в Лаврушинском переулке.

